

От победителя премий «Еврокон» // лучший дебют,
«Бегущая по волнам», «Книга года по версии Фантабда»

КАРИНА ДЕМИНА

ЕЩЕ БОЛЕЕ
ДИКИЙ
ЗАПАД

Карина Демина

Ещё более Дикий Запад

Серия «Дикий, дикий запад», книга 2

Серия «Идеальное фэнтези.

Романы Карины Деминой»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69515791

ISBN 978-5-17-149805-4

Аннотация

Неладные дела творятся в Городе Мастеров. То заговор, то переворот, то бордели закрывают, пытаясь общественную мораль поднять. И как в таких условиях честным наемникам работать? Тем паче, что и подопечного их в розыск объявили. А тут еще и разведка оживилась, и драконы древние то ли окончательно упокоиться желают, то ли, наоборот, воскреснуть. И Змееныш, окончательно свихнувшись, объявил себя истинным Императором, того и гляди войну развяжет.

Но ничего, Эдди и Милисента справятся.

Как-нибудь.

Добрый словом и револьвером.

Содержание

Глава 1,	5
Глава 2,	18
Глава 3	31
Глава 4,	43
Глава 5	54
Глава 6,	70
Глава 7,	80
Глава 8	95
Глава 9,	112
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Карина Демина

Еще более дикий Запад

Оформление – Екатерина Соболевская

Иллюстрация на обложке – Anne Svart

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© К. Демина, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Глава 1,

в которой приходится принимать неожиданное решение

Город Мастеров производил престранное впечатление. Сперва Чарльз едва не задохнулся от вони. Она была столь резкой, что глаза заслезились, и в слезах этих, в едком тумане, что окутывал то ли вокзал, то ли пристань, он совершенно потерялся.

– Никак не привыкну, – проворчал орк, ухватив Чарльза за шиворот, что и удержало графа от падения.

Рядом раздался протяжный трубный звук, коему ответил лязг и грохот, но с другой стороны. В лицо пахнуло жаром, и капли желтого тумана, наверняка ядовитого, испарились, оставив мерзковатое ощущение грязной кожи.

– А к этому, – просипел Чарльз, пытаясь все-таки прийти в себя, – вообще можно привыкнуть?

– Со временем. – Эдди озирался вокруг, явно пытаясь рассмотреть кого-то. – Погоди. Держитесь с Милли рядом, сейчас знаки получим.

– К-какие?

– Что находимся тут законно. – Эдди осторожно высвободил Чарльза из рук собрата. – И что пошлину уплатили.

– Пошлину?

– На прибытие, – пояснил орк, доставая кошель. – Люди

жадные.

А Чарльз согнулся в приступе кашля. Проклятье... да даже некромант держится лучше, чем он.

– Просто ты отравлен был, – заметила Милисента и под руку взяла. – Вот и... А воняет зверски.

И вправду.

Хуже, чем на нефтеперерабатывающем заводе, и даже чем на бойне, будто... будто всем и сразу. И маслами, и железом горячим, и гарью, дымами, кровью, плотью гниющей.

– Ртом дышите, – посоветовал некромант и протянул железную коробочку. – И смажьте ноздри розовым маслом.

– С-спасибо. – Отказываться Чарльз не стал.

И сделал пару глубоких вдохов, мысленно обругав себя за слабость. Отравлен там или нет, но это еще не повод в обморок падать.

Вокзал?

Если так, то подобных вокзалов Чарльз не видывал.

Он огляделся, пытаясь целиком запомнить эту удивительную картину. И огромную башню, удерживающую на железном теле своем тонкие мачты дорог. И скользящие по дорогам этим вагончики. Одни нарядные, поблескивавшие медью и позолотой, другие грязные, тяжелые с виду. Башня уходила в небеса, на каждом ярусе своем раскрывая лепестки причалов.

Здесь же, на нижнем уровне, к ней вплотную подходили поезда.

Суетились люди.

Медленно ползла механическая тележка, заваленная чемоданами, а за нею, нелепо переваливаясь с боку на бок, спешил господин в сером костюме и красном тюрбане. За господином вышагивала очень высокая дама, чье лицо укрывала маска.

– Не зевай, – ткнула его в бок кулачком Милисента. – А то ж обнесут.

И Эдди кивнул, подтверждая, что это вполне может произойти.

Меж тем поезда разгружались, и лошади, нехотя, фыркая, явно оглушенные, что звуками, что запахами, выходили на перрон. Их тотчас уводили ниже.

– Заберем после. Выдадут, – пояснил Эдди. – Тут им тяжело.

Чарльз согласился – тяжело, причем не только лошадям.

Однако, зазевавшись – слева два коротконогих механома занимались разгрузкой вагона, ловко перекидывая мешки на широкую тележку, – пропустил появление высокого человека в черных одеяниях. Тот был узок лицом, хмур и разглядывал прибывших с некоторым сомнением. На голове человека поблескивал шлем, украшенный многолучевой звездой.

– Брось, Вин. – Эдди старательно оскалился. – С каких это пор тут честным людям не рады?

На лице человека ничего не отразилось.

– Или закон изменился, пока меня не было?

– Нет, – сухо произнес тот. – Плата поднялась.

– И сколько теперь?

– Женщина – десять золотых, остальным по два.

– С чего бы?

– Приказ Мастера. Женщины подлежат регистрации по особому списку. Незамужние.

– Э, погоди... – Эдди встал между типом и Милисентой. – Это моя сестра.

– Не имеет значения.

– Она уже почти замужем!

– Тоже не имеет значения. Женщины подлежат регистрации.

– В течение какого времени после прибытия? – уточнил Чарльз.

– В течение суток, – прозвучал ответ, а в глазах типа мелькнуло что-то такое, одобрителное.

– Что ж, у нас есть еще сутки, верно?

– Временные жетоны?

– Только для дамы. – Чарльз крепче сжал руку Милисенты. Похоже, дело придется начать вовсе не с поселения в гостиницу.

Ему ответили кивком.

Спустя пару минут Чарльз честно закрепил на сюртуке узкую полоску металла. Золото? Скорее уж позолота, под которой чувствуется искра Силы. Стало быть, пропуск не просто так, но артефакт.

Понять бы какой еще.

Некромант свой разглядывал с немалым интересом, а орк, поглядевши в спину полисмену – во всяком случае Чарльз решил, что человек этот выполняет схожие функции, – поинтересовался:

– И дальше что делать?

– Для начала найти храм. – Чарльз потер руки.

– Зачем? – Милисента поскребла свой значок, который, в отличие от прочих, был медным. А на меди стояли знаки, явно временные отметки.

– Жениться будем.

– Что?!

Эдди вздохнул и виновато потупился:

– Извини, Милли... и ты тоже.

– Ничего. – Чарльз потер глаза, которые все одно слезились. То-то местные в очках ходят, да не простых, а тех, что обычно в лабораториях используют. – Не нравится мне эта регистрация. Сперва регистрируют, потом на учет поставят, а там окажется... мало ли чего окажется.

– Но... но... – Милисента нахмурилась. – Можно ведь как-то иначе...

– Как?

– Не знаю.

– Вариантов несколько. – Чарльз потер зудящие глаза. – Первый. Мы ищем обратный поезд и убираемся отсюда, чтобы устроить тебя где-нибудь в безопасном месте, а потом

вернуться. Мне он не по душе, поскольку сильно подозреваю, что безопасных мест немного. Или... ты с братом возвращаешься, а мы постараемся как-нибудь...

– Не выйдет, – Эдди покачал головой. – Тут и прежде было строго... в общем, за чужаками приглядывают, а уж если тебя ждут, то...

Он развел руками.

И Чарльз подумал: вполне возможно, действительно ждут. И вовсе не для того, чтобы воссоединиться большой и дружной семьей.

– Вариант второй. Мы тебя регистрируем, надеюсь, что это просто вывих чьего-то бюрократического разума и ничего после регистрации не случится.

Орк хмыкнул.

И поправил высокий цилиндр, которым дополнил костюм перед высадкой. Из-под цилиндра свисали косы, украшенные разноцветными перьями, что придавало образу некоторую несуразность. Хотя... что тут считать несуразным?

Мимо гордо прошествовал господин в белоснежном кожаном плаще. Плащ был распахнут, что позволяло оценить и рубаху, и клетчатый килт, и кривоватые волосатые ноги.

– И третий. Мы заключаем брак. Решаем свои дела. А дальше, вернувшись домой, брак расторгаем. Если у тебя будет желание.

– А не боишься?

– Чего?

– Что желанья не будет, – пояснила Милисента, проводив типа в плаще задумчивым взглядом. – Вдруг решу, что меня устраивает графиней быть?

– Отчего бы и нет... – Чарльз пожал плечами и понял, что его вправду не пугает подобный поворот событий. – Полагаю, из тебя выйдет весьма... эксцентричная графиня.

– Это ты меня обругал или похвалил? – Милисента нахмурилась.

– Это я себя... успокоил. Так храм имеется?

– А то как же. – Эдди весело осклабился. – Ты не пове-
ришь, чего тут только нет!

Собственную свадьбу я представляла себе иной. Ну, когда еще была маленькой, глупой и искренне верила, что выйду замуж по большой любви. Я даже как-то стащила у Мамаши Мо кружевную салфетку, которой та прикрывала гору подушек. И, приладивши на голову, крутилась перед старым зеркалом. А потом медленно и с нужной торжественностью к этому зеркалу шла, представляя, будто иду к алтарю.

Вся такая красивая, в белом платье.

И чтобы шлейф.

Цветочки в волосах. Фата.

Хрипит орган. Матушка смахивает слезы.

Теперь, покосившись на жениха, я отметила выражение крайней решительности на его физиономии. Ну... наверное, дома и вправду устроили бы все красиво. С чердака старой

церкви достали бы шелковые цветы, ленты и прочую мутовень, которая там хранится и извлекается исключительно по торжественным случаям.

Матушка точно расплакалась бы.

Или нет?

В местном храме было пыльно и темно. Слабо горела пара лампадок перед темной нишей, а что там в этой нише укрывалось – святой ли Николай или же Мать Прерий с отрезанной головой неверного – не понять.

Главное, что сам храм имелся.

И где-то в вышине, где тонкие оконца пронизывались светом, ворковали голуби.

Это все не взаправду.

Это все... временное. И потом, когда выберемся, графчик подаст на развод. Или я. Скорее даже я, потому как у него воспитание и совесть. А у меня она тоже, между прочим, в наличии. И не буду я живого человека неволить счастливой семейной жизнью.

Он, небось, свадьбу свою тоже представлял иначе.

Я вздохнула.

– Все будет хорошо, – сказал Чарли и по руке меня погладил, успокаивая, значит.

Будет.

У кого-нибудь всенепременно.

Служитель, выслушав наше желание, подавил зевок и сказал:

– Налог пять золотых.

Ну и цены у них тут!

– Еще три храму за услуги. И одна монета за выписку свидетельства. Храм лицензирован, а потому свидетельство имеет вес и во внешнем мире. – Он сунул что-то за щеку и захрустел. – Отдельно можно приобрести кольца, браслеты или иную атрибутику в классическом стиле. Национальная – под заказ, срок ожидания до трех дней.

Говорил он лениво и, явно утомленный этой речью, замолчал.

– Обойдемся. – Эдди развязал кошель. – Сколько всего? Со свидетельством если.

На кой нам свидетельство?

– Справку для магистрата брать будете? – служитель взял с алтаря счеты.

– Будем.

– Тогда десять монет.

Да уж... ничего святого. Даже свадьбы.

– Свидетели? – запоздало уточнил служитель.

– Есть.

– Нужны жители города, – он покачал головой. – Как минимум двое. Из числа почтенных граждан. Заметьте, репутация весьма важна.

– Сколько? – поинтересовался Чарльз.

– Пять. За каждого.

– Хорошо. – Чарльз взмахом руки остановил моего брат-

ца, который, кажется, собирался выразить категорическое несогласие с подобной постановкой вопроса.

– Тогда обождите. – Служитель вытер губы рукавом. – Вон... можете жертву принести. Или помолиться.

– Кому? – уточнил Эдди мрачным тоном.

– А кому хотите.

И ушел.

А мы остались.

– Да, – заметил некромант, оглядываясь. – Здесь все несколько более... демократично, я бы сказал.

Орк и вовсе проворчал что-то на своем, но вряд ли одобрительное. Я же... я волновалась. Мать его, я действительно волновалась, как если бы это все взаправду! И руки вон похолодели, и вспотели даже, и стыдно за это. А еще... еще, видит Бог или боги, уж не знаю, кто там наверху есть и есть ли вообще, но...

Я, может, и не слишком-то к семейной жизни стремилась. Да только свадьбу представляла по-другому.

Чарльз посмотрел на меня, будто спрашивая что-то. Я покачала головой. Ничего страшного. Это просто... просто нервы, наверное. У всех случается. А я живая.

Храм же...

Четыре стены. Четыре ниши. А свечи горят только перед одной, что как-то неправильно. Как если бы на день рождения позвали, а тортом обнесли. Может, и нелепое сравнение, но...

Я коснулась огрызка свечи, торчавшей из плошки, и капля Силы скатилась на фитиль.

Так-то лучше.

Я перешла ко второй нише. И к третьей. И... и мне не жаль огня. Наверное, трудно быть богом в подобном месте.

– Вы... – Я вытерла руки о штаны. – Извините, если что...

К богам так не обращаются.

И нет, никогда я не испытывала особой почтительности, хотя дома в церковь заглядывала. С матушкой. И чтобы ее не огорчать.

Тоскливо там было, но хотя бы чисто.

А тут могли бы и паутину смести. Я бы сама смела, честно, но...

Огни вдруг вспыхнули ярко, как не могло бы быть, поскольку от свечей оставались одни огрызки.

Тихо что-то произнес орк, склоняясь перед нишей, в которой проступили темные очертания... чьи? Не знаю. Как я ни вглядывалась, понять не могла.

Наверное, и правильно. Почему? Просто чувствовала, что правильно. И... и ненадолго задержалась перед другой нишей, из которой на меня смотрела...

– Это сиу? – отчего-то шепотом поинтересовался мой будущий муж.

– Ну... наверное. Только какое-то... оно... она...

Страшная.

– Резчик был безруким, полагаю, – предположил Чарльз.

А я подумала и согласилась. Это даже не просто безрукий. Это... это слов нет, до чего безрукий.

– И что надо делать? – поинтересовался он, разглядывая статую, поверхность которой почему-то выкрасили в черный, но краска потрескалась и местами облупилась, оттого и выглядела богиня несколько плешивой.

– А я откуда знаю?

– Ты же отсюда. В смысле, с Запада.

– И что?

– На Востоке почти не осталось таких храмов. – Он отличался изрядной терпеливостью, Чарльз Диксон, третий граф чего-то там. – А те, которые остались... людям там не рады. И вовсе ходят слухи, что их запретят.

– Как можно запретить веру?

– Поверь, можно.

– У нас в городе церковь стоит. Туда все и ходят. Кому молятся – тут уж каждый сам решает. Боги – они ведь не люди, услышат... а так... Эдди иногда в степь уходит. Но я с ним никогда и... не знаю, можно ли так. Вдруг она обидится? Мы все-таки люди. Или...

Я прикусила губу.

Зачем вообще ее поставили? Для сиу? А они есть в городе? Или просто...

Я сунула руку в карман. И вытащила. Надо же... тот самый камушек, который я подобрала на лестнице. Я про него и забыла. Кольца и прочее еще когда разобрали, а вот камушек

остался.

Может...

Я протянула руку и осторожно приложила камушек к грубо вытесанному лицу, в котором едва-едва улавливалось сходство с сиу. Резчик и вправду был не особо умелым.

– Прими это в знак... не знаю чего. Просто прими.

Камень блеснул ярко.

И загудело пламя.

Ветром протянуло...

– Вижу, что вы выбрали обряд! – раздался нарочито бодрый голос служителя. – Чудесно... несколько экзотично, однако спешу напомнить, что, вне зависимости от типа выбранного обряда, брак будет считаться законным.

И уставился на Чарльза, будто надеясь, что тот испугается и передумает.

Я бы испугалась.

А Чарли ничего, кивнул и ответил:

– Отлично.

Глава 2,

где брак заключается на земле

В какой-то момент общая абсурдность происходящего, надо полагать, достигла апогея, за которым восприятие Чарльза притупилось. А потому ни храм, в который впихнули всех, кажется, местных богов, ни служитель, сменивший обычное убранство на торжественное, Чарльза не удивляли.

Как и церемония.

Их с Милисентой поставили друг напротив друга и велели взяться за руки. Руки невесты оказались неожиданно горячими, и Чарльз почти физически услышал, как пульсирует Сила, желая вырваться.

От волнения?

Страха?

Женщин необычайно волнуют свадьбы, особенно собственные.

Маменька расстроится.

Она так мечтала устроить сыну идеальную свадьбу. И не раз обговаривала, какой та будет. И... и не такой.

Служитель воздел руки к грязному потолку, с которого свисали пропылившиеся ленты, клочья паутины и высохшие до состояния хрупкости цветы. Цветы от звука голоса – а голос у него оказался на диво громким – крошились, и их

крошка сыпалась на голову.

Молча и торжественно стояли Эдди с соплеменником, который вовсе выглядел статуей. Чуть дальше, на лавках, устроились свидетели из числа почтенных горожан. Очевидно, происходящее было для них давно надоевшей рутинной, поскольку полноватый мужчина устало уронил голову на грудь, а после даже похрапывать начал.

Маменька желала, чтобы венчание состоялось всенепременно в главном соборе.

Красная дорожка.

Невеста в роскошном платье, хрупкая и невинная. Прекрасные девочки с корзинками. Лепестки роз. Песнопения...

Алый камень во лбу статуи тускло поблескивал, и Чарльз не мог отделаться от ощущения, что богиня смотрит.

Глупость какая.

Это просто... место такое. И нервы. Нервы у него не железные. Он все-таки живой человек, а после всего пережитого неудивительно, что мерещится, будто статуи смотрят.

Служитель возопил особенно громко, и от голоса его дремлющий свидетель встрепенулся и поинтересовался:

– Уже все?

– Кровь пустят, – неожиданно громким голосом ответил другой. – И тогда все. Потерпи ужо.

Тот, первый, зевнул. Служитель обернулся и скорчил гримасу: мол, торжественность всякую рушите. А затем, вновь

повернувшись к Чарльзу, произнес:

– Руку. Правую.

А когда Чарльз протянул – почему-то и мысли не возникло ослушаться, – то по руке этой полоснули узким ножом.

Жрец ловко подставил под запястье чашу. Откуда только взялась.

– Повторяй за мной, – велел он. И опять же Чарльз кивнул – сейчас повторит.

Потому что... нет, надо остановиться. Где кровь, там и Сила, а с Силой не шутят. С богиней тоже. Теперь красный отблеск камня мерещился и в глазах ее.

– Кровью своей и жизнью своей...

Чарльз повторял слова клятвы, отдавая себе отчет, до чего опасно клясться кровью и жизнью. И Силу тоже помянули. Она ожила и потекла по жилам, чтобы упасть в треклятую чашу. Но губы сами шевелились, проговаривая слова.

Это неправильно!

Напрочь неправильно!

Потому что сиу не заключают браков. Но на него взирала не только темнолицая богиня, но и другие, сокрытые в нишах, тоже.

– ...беречь и защищать...

В клятве нет ничего невыполнимого. Она, если подумать, достаточно размыта. Чарльз и без нее берег бы. Ну и защищал, само собой. Он посмотрел на ту, которая вот-вот станет его женой. И появилось трусливое желание отступить.

Он ведь не обязан! Это не его проблемы! И есть другой выход.

Должен быть.

Можно и вправду отправить их куда подальше и нанять кого-нибудь другого. Здесь ведь наверняка есть люди, готовые за небольшие деньги... или за большие, но главное, что решить проблему.

Именно.

А он жениться решил.

Дурак.

Только почему-то он не мог отвести от невесты взгляда. И улыбался. Точно, как дурак. И... и голос Милисенты доносился будто издалека, повторяя те же слова, что уже произнес Чарльз. И слушал их не только он. Слушали все. И даже тот толстяк перестал храпеть.

Это важно?

Наверное.

Пальцы служителя, измазанные кровью, коснулись губ, провели полосу на лбу. Какая невозможная дикость. И главное, без розовых лепестков... что за свадьба без розовых лепестков?

Кровь на губах Милисенты сделала их невообразимо яркими. И само ее лицо преобразилось. А в глазах почудился тот же алый отсвет.

Огонь?

Ее огонь согревал, сливаясь с собственной Силой Чарль-

за, которой стало вдруг так много, что он с трудом сдержал то ли крик, то ли стон. Но Сила вдруг успокоилась сама.

– Можете поцеловать невесту, – произнес жрец вдруг осипшим голосом.

И Чарльз потянулся к этим губам.

В конце концов, он в своем праве. И, коснувшись их, ощутил горячий выдох, а потом... потом Сила все-таки выплеснулась. И он, кажется, упал.

– Это от счастья, – не слишком убедительно сказал Эдди, глядя на моего свежеиспеченного мужа.

– Точно, – поддержал его орк. – Помню, я как жену увидел, так прямо понял, что счастлив буду. А она потом еще и дубиной приложила.

И макушку потер этак задумчиво.

– У меня дубины нет. – Я раздумывала, стоит ли поднять мужа или пусть себе лежит? С одной стороны, конечно, долг жены и все такое. А с другой... ну он тяжелый, я помню.

Да и не холодно. Не замерзнет.

С третьей – пойдй пойми, сколько он тут лежать будет.

– Видишь. – Эдди склонился над телом. – Тебе и дубина не нужна.

– Не стоит смущать даму, – произнес некромант, который до того держался в стороне, да так незаметно, что я про него забыла. – Скорее, здесь имеет место скачкообразное изменение общего магического потенциала, вследствие чего и случился спонтанный выброс, хорошо, что в подобном месте.

– Бумагу выпишу позже, – объявил служитель, выливая остатки крови под ноги статуи. И главное, что вся ушла, до капельки. Вон, чаша аж заблестела.

И статуя тоже.

– Ишь, как оно бывает, – проворчал тот толстый свидетель, который большую часть свадьбы проспал. – А я говорил, что надобно это все поубирать, пока люди не поубивались...

– Не ты ставил, не тебе убирать, – заметил второй, напяливая котелок.

– И... что делать? – растерянно спросила я.

– Думаю, забрать бумагу и отыскать гостиницу, – ответил некромант. – Вам обоим требуется отдых. Ритуалы подобного плана выматывают.

– Ритуалы? – Я вот чувствовала, что что-то пошло не так! Категорически не так. – Это вы о чем?

И руки в бока уперла, как делала Мамаша Мо, желая подчеркнуть серьезность своих намерений. Может, дубины у меня и нет, но я и без нее обойдусь.

– Гм... – Некромант несколько смутился и огляделся. – Вы ведь понимаете, что это не тот брак, который можно...

Он взмахнул рукой, показывая, что именно можно.

– То есть...

– Развод не предусмотрен.

Вот Чарли-то обрадуется! А я им сразу говорила, что затея дурацкая, что... И кто его этой новостью порадовать риск-

нет?

– Храм живой, – продолжал некромант. Мягко, ласково, будто с больной разговаривал. Наверное, я такой и выглядела в глазах нормального человека. – Мне казалось, что вы ощутили его скрытые силы. Иначе зачем пробудили?

– Я?

– Вы поделились собственной энергией, что в любой культуре является своего рода жертвоприношением.

О ты ж... на запад да через восток!

Чтоб меня...

Меня уже, кажется, чтоб.

– А поскольку это большая редкость, ибо люди делятся силой крайне неохотно, то на просьбу жреца храм откликнулся. Жертвоприношение принято.

– Храму?

– Боюсь, большего не скажу. Это место требует изучения, но... исключительно теоретически...

– Давай уже, – устало выдохнул Эдди. – Исключительно теоретически...

– Если теоретически, то вполне возможно, что храм нынешний стоит на месте более старого, а тот возник, как часто бывает, на месте еще более древнего. Возможно, когда-то здесь располагалась некая всеобщая святыня. И это объясняет наличие статуй всех почитаемых в этом краю божеств.

– Дед сказывал об этом... – произнес орк, озираясь. А потом вдруг согнулся в поклоне, касаясь ладонью грязного по-

ла. И цилиндр содрал. И вытащил из косы перо, которое бережно положил на алтарь.

На другой.

– Что ж, полагаю, я прав.

На меня поглядели презадумчиво.

– Как бы там ни было, ваш брак заключен. И Сила приняла вашу клятву. Я не стал бы рисковать, ее нарушая.

– Эдди! – Огни от моего рева взметнулись до самой крыши.

– Да кто ж знал-то! – братец развел руками.

Но выглядел при этом, зар-р-раза, довольным.

В себя Чарльз пришел в гостинице. Открыв глаза, он увидел белоснежный потолок с лепниной, кусок окна, полупрозрачный тюль и крупную вазу, из которой торчали позолоченные ветви. На ветвях висели позолоченные шары, которые показались донельзя похожими на яблоки.

Чарльз закрыл глаза, подумав, что бредит.

Но лежать так быстро наскучило, и он открыл их снова. Как ни странно, но чувствовал он себя великолепно. Боль и усталость, с которыми он за последние дни сжился, куда-то ушли, тело пело и требовало движения.

Поэтому Чарльз сел.

И огляделся.

Комната была не сказать чтобы большой. В нее вместились огромная кровать с балдахином, прихваченным золо-

тыми кистями, пара туалетных столиков и зеркало. В зеркале отражался странный тип с перекошенным лицом, покрытым какими-то пятнами. Всклобоченные волосы, безумный взгляд и след от подушки на щеке.

– Твою ж... – Чарльз, конечно, предполагал, что за время пути он несколько изменился. Но вот чтобы так... да как за него вообще кто-то выйти замуж согласился?

Эта мысль обескуражила.

Отрезвила.

И заставила подняться. Если он верно понимает, то все пошло вовсе не так, как планировалось. И брак этот... К слову, невеста-то куда подевалась?

То есть жена.

И где он находится? Как сюда попал и вообще...

Голова слегка кружилась, но не от слабости. Сила наполняла и переполняла Чарльза. Ему пришлось сделать глубокий вдох, осаживая ее. Вот так, а то, право слово, как мальчишка-второкурсник, только-только потенциал раскрывший.

– О! Чарли... – Белая, как и все остальное в этой комнате, дверь распахнулась, впуская донельзя счастливого Эдди. – Живой! А мы уж беспокоиться начали.

От Эдди пахло розовой водой, а еще мясом, сдобой и прочим съестным, отчего в животе у графа заурчало.

– Живой. – Чарльз сглотнул слюну, наполнившую рот. – Где я?

– Гостиница «Белый лебедь». Между прочим, лучшая в городе.

– Ага. – Чарльз опять сглотнул, поняв, что еще немного, и не справится. – Есть хочу.

– И хорошо! – Кажется, Эдди подобное заявление весьма обрадовало. – Значит, и правда живой! И жить будешь. Вот поверь моему опыту...

– Эдди!

– Идем. – Он хлопнул Чарльза по спине, и от этого удара граф едва не упал, но его подхватила заботливая орочья лапа. – Ты, главное, не переживай... если подумать, то все не так и плохо.

Это прозвучало не слишком утешительно.

Помимо спальни, в номере для новобрачных – а Эдди доверительно сообщил, что иных-то и не нашлось, разве что одиночные, а им надобен побольше, – имелась гостиная, выдержанная в тех же светлых тонах и украшенная чучелами лебедей. Исполненные с немалым мастерством, чучела держали огромное зеркало, мимо которого Чарльз постарался прокрасться незаметно, но все одно уловил собственное отражение и не сдержал протяжного стога.

– Ты не переживай так. – Эдди воспринял стон по-своему. – И женатые мужики живут. Женитьба – это же не конец света...

– На твоей свадьбе я тебя тоже так утешу, – мрачно буркнул Чарльз, рухнув в кресло. Низкое, укрытое белоснежным

покрывалом, оно оказалось мягким, и Чарльз даже решил, что сейчас вовсе провалится.

Не провалился.

Дотянулся до столика, на котором виднелся серебряный поднос, а на нем в свою очередь серебряные же блюда.

– Милисента где?

– В ванной. – Энди вздохнул. – Ты... извини, но это надолго.

– Пускай. – Чарльз поднял крышку и едва не захлебнулся слюной. На крупном куске мяса, украшенном веточкой розмарина, плавился кусок сливочного масла. И золотистые дорожки бежали по стейку, мешаясь с крупной солью и темными перчинками. Появилось желание забыть про все манеры и просто впиться в этот кусок зубами.

Сдержался Чарльз немалым усилием воли.

– Рассказывай, – велел он, понимая, что вляпался во что-то куда более серьезное, чем рассчитывал.

– Ну... тут такое... в общем... – Эдди осторожно опустился во второе кресло и потянулся к кофейнику. – Твой приятель, который некромант, он полагает, что брак вы заключили не просто так, а нерасторжимый.

Мясо оказалось сочным.

И нежным. И вкус его, подчеркнутый приправами, доставил такое наслаждение, что Чарльз замычал.

– Он сказал, что вы принесли клятвы. А свидетелями стали древние силы. Может, даже божества.

– Сиу?

– Не только... может, племена помнят не так и много. Дед мой говорил, что когда-то были особые места. – Эдди наполнил крохотную чашку, которую держал явно с трудом. – Туда приходили, чтобы вершить суд. Или договор заключать. Или торговать. Или еще что... ну, раньше, до вас, людей, тоже не особо мирно жили. Вот такие места и возникли. Там кровь всех первых. Орков, сиу, подгорников, даже людей. И потому-то там древняя сила. А потом появились люди с другой стороны моря, и все переменялось.

Чарльз вздохнул.

Стейк оказался куда меньше, чем выглядел, и закончился слишком быстро. Правда, под вторым серебряным колпаком обнаружили ломтики картофеля, обжаренные до золотистой корочки. А к нему – бекон и тонкие острые колбаски.

Соус в соуснице.

Салфетки.

Может, сервировке не хватало изящества, зато еды было много.

– Дед сказал, что в ваших храмах вроде как тоже есть эта сила, если туда и вправду ходят молиться. Верить. От души. Тогда да, тоже клятвы особыми становятся. А если нет...

– В общем, развода не будет? – уточнил Чарльз.

– Ну... – Эдди провел руками по лысой башке, с которой исчезла мелкая поросль, что пробилась за время пути. – Извини... некромант говорит, что можно, конечно, но лучше

не рисковать. Вы ж и Силой клялись.

И еще кровью.

Идиот.

Но злости, странное дело, не было. В конце концов, именно Чарльз предложил эту женитьбу. И на обряд согласился добровольно. И... и у него образование, опыт. Так чего уж тут.

– Милисента как?

– Да... нормально. Вроде. Не знаю. Она ж... она плакать не станет. И претендовать на что-то тоже, не думай.

– Не думаю. – Чарльз почесал шею, которая раззуделась просто-таки до невозможности. – И не дергайся, я не собираюсь ее обижать.

– Я и не позволю. – Эдди глянул так, что кусок в горле застрял. – Не знаю, выйдет чего у вас или нет, но... вдовой остаться она всегда успеет.

И это, пожалуй, не прозвучало пустой угрозой.

– Не думаю, что до такого дойдет. – Чарльз протянул руку. – Кофеем поделись. Р-родственничек...

Глава 3

О превратностях брака и высокой общественной морали

Счастье было.

Конкретно в этой ванне. Огромной, даже больше той, что у нас дома стоит, тем паче наша давно облезла и водой если и наполнялась, то давненько. А тут... ванна сияла, краны тоже сияли, и все-то вокруг сияло белизной и чистотой, чем внушало мне некоторые опасения. Я открыла краны и сунула палец под горячую струю.

А потом, как ванна наполнилась, залезла в воду.

И просто лежала, чувствуя, как отмокает шкура. Кажется, даже придремала немного, но не так чтобы сильно. Потом уже мылась. Долго. Натиралась душистым мылом, какой-то фигней в банке, про которую сказали, что она для кожи.

Пускай.

Но чем дольше я лежала, тем сильнее остывала вода, а в голове появлялись мысли... да разные мысли. Большею частью о том, что Чарли новостям не обрадуется.

Он ведь граф.

Всамделишный.

И это я тут могу над графством его посмеиваться, а там, на Востоке, смеяться будут уже надо мной. Я даже высунулась, чтобы в зеркало поглядеть, чего явно делать не стоило.

Из зеркала на меня поглядела смуглая до неприличия – еще немного, и с сиу по цвету сравняюсь – девица с темными волосами и резкими чертами лица. Губы у нее были тонкими и большими. Помнится, судейская дочка еще мой рот жабьим обзывала. Нос с горбинкой. Глаза... глаза пожалуй что и ничего. А вот шея длинная, как у жирафы, которую я на картинке видела. И сама тощая.

Кости торчат.

Кожа... кожа вон ниже шеи белая. И на руках тоже, будто я то ли перчатки надела, то ли вымазалась. А матушка еще когда предупреждала, что приличные девушки носят перчатки.

И маски от солнца.

Я бы, может, и носила.

Но не помогла бы мне маска. Даже если загар отскоблить, все одно я останусь не совсем человеком. Может, не настолько, как Эдди, но коль приглядеться, то чувствуется во мне иная кровь.

И вообще...

С этой мыслью я нырнула в остывающую воду, под которой и сидела, пока хватало дыхания. А как закончилось, то вынырнула.

– Прекрати, Милли, – сказала я своему отражению, стараясь подражать Мамаше Мо. Вот кто умел изгонять бесов, в том числе и трусости. – Вовек в ванной не спрячешься.

А вот волосы мыть надо.

Я и вымыла. Дважды. А они все одно остались черными и спутанными. И... белый мягкий халат, который единственный нашелся из чистой одежды – Эдди обещал решить вопрос, – нисколько не успокоил.

Я осторожно приоткрыла дверь и ничуть не удивилась, обнаружив графчика.

Графа.

К мужу стоит относиться серьезно. Он сидел на белом диванчике и глядел в пустую кружку.

– На кофейной гуще гадаешь? – спросила я, потому что нужно же было чего-то сказать.

Подозреваю, основное он узнал от Эдди. А я... я стою. С полотенцем на волосах. Мамаша Мо так закручивала, чтоб не просквозило. Тут, конечно, сквозняков нету, но с полотенцем все одно как-то спокойнее.

– Скорее, думаю.

– Злишься? – Не люблю недоговорок.

Я бы вот злилась, если по-хорошему. Да и... и должна бы, странно, что не злюсь. Я ведь тоже не хотела замуж. Но...

– Нет, – он покачал головой. – Ничуть. Сам должен был подумать.

– Эдди говорит, что все не так страшно. Что надо просто изучить клятву, и... и, может, что-нибудь придумаем.

– Придумаем, – соврал Чарльз.

А я взяла и поверила.

– Там... вода есть горячая. Хорошо. Правда, одежды нет,

но Эдди сказал, что купит на первое время. А потом уже сами.

– Как мы вообще сюда попали? – Чарльз отвел взгляд, а я вспомнила, что из той самой упомянутой одежды на мне только халат.

И это как-то... неудобно, что ли. Не в том смысле, что в халате, но просто вдруг подумалось, что он муж и вообще. А я в халате стою.

– Эдди привел. Сказал... сказал, что если творится неладное, то лучше сюда. Тут место приличное. И хозяин с Мастерами дружен. А стало быть, лишь бы кто не сунется. Но дорого, да...

Я замолчала.

– Это ничего, деньги – не проблема. Ты, наверное, голодна? А я все съел. Проснулся... знаешь, будто три дня как минимум ни крошки в рот не клал. Такой голод. – Чарли говорил нарочито бодро, и за бодростью этой угадывалась та же ложь и нежелание говорить о том, что и вправду важно. Наверное, в другой раз я бы согласилась, что если человек говорить не хочет, то оно и не надо.

– Думаешь, ничего не выйдет? Клятву обойти и... и вообще? – Я подошла к креслу и забралась в него с ногами. В халат укуталась поплотнее. Муж там или нет, но нечего пялиться.

– Не знаю. – Чарльз выдохнул с облегчением. – Но скорее всего, ты права, не выйдет.

– И что теперь?

Нет, я не ждала, что он прямо сейчас возьмет и ответит, скажем, что несколько не расстроен и вообще всю жизнь мечтал о таком браке. Или что влюбился в меня с первого взгляда, а потому тихо страдал, не надеясь на взаимность.

В романах мужчины всегда страдают тихо.

– Теперь... понятия не имею. – Чарльз поскреб шею. – Как-нибудь уживемся. Надеюсь. И вообще... ты не самый худший вариант.

Наверное, это можно было счесть комплиментом, но за такой комплимент появилось острое желание дать в морду. Не худший? Я не хочу быть «не худшим»!

– А кто худший? – мрачно уточнила я.

Чарльз задумался. Ну да, не так и просто выбрать.

– Лилианд Пендриксон.

Уже бесит.

Дурацкое имя.

– Это кто?

– Дочь маменькиной подруги.

Которая, наверняка, истинная леди и вообще маменьке его нравится. А когда кто-то маменьке нравится, это... это серьезно.

– Она милая девушка, но... – Чарльз щелкнул пальцами. – Совсем не такая, как ты.

– Женить хотели?

– Очень.

– А ты?

– А я сопротивлялся. И мы даже поругались с маменькой. Она обиделась.

Ясно.

А меня увидев, обидится еще больше. Я подавила тяжкий вздох.

– Милли, я не собираюсь тебя к чему-либо принуждать. И поверь, практически из любой ситуации можно найти выход. Главное... давай сперва текущие проблемы решим, а?

– Это какие?

– Ну... – Чарльз загнул палец: – Отыщем мою сестру. Придумаем, как ее вытащить, и это, чувствую, будет непросто. Еще надо найти сиу. И того типа, который дурит им головы. Невеста Орвуда, дочь орка, чужие артефакты...

– А их мы тоже искать станем? – уточнила я на всякий случай, подумав, что и вправду. Чего это я о замужестве печалюсь. С такими планами и овдовею раньше, чем привыкну к наличию мужа.

– Несомненно. Мне кажется, все это звенья одной цепи.

Чарльз поскреб шею.

– И... извини.

– Вода горячая тут не заканчивается. – Я махнула в сторону ванны. – Иди, а то ведь оно ж так... неприятно. А Эдди когда вернется, не сказал?

Вернулся братец ближе к ночи.

Был он мрачным, злым даже, и еще насквозь пропах улицей.

– На-ка вот. – Он кинул мне сверток, в котором обнаружили чистая белая рубашка и брюки, и даже корсет, расшитый серебряными узорами. Завершал костюм узкий жакет с короткими, в три четверти рукавами. – Чарли, это тебе...

Мой супруг поймал второй сверток.

Оказалось, что местный наряд из потертой бурой кожи ему весьма даже идет. Сразу вид такой стал серьезный. И с выражением лица сочетается.

Даже нос облупленный в тему.

Гармонирует, как сказала бы матушка, с общей потрепанностью платья.

Эдди же тем временем плюхнулся в низкое кресло, которое хрустнуло, но братцев вес выдержало.

– Странные дела тут творятся. – Он сцепил руки на животе. – Думаю, надо уходить и... в общем, я зашел в банк. Они сворачиваются.

– Плохо. – Чарльз покосился на меня.

А я что?

Штаны пришлись в пору, рубашка тоже, а вот корсет я затягивать не стала. Как-то оно... в заведении Бетти многие девицы его носят. Но на голое тело. У меня вроде на рубашке, а ощущение такое, будто на голое тело. И нечего глазеть.

От наличия корсета груди у меня не прибавилось.

Ну... наверное.

– И я о том же. Подземники что крысы: чуют неладное. Бордели закрыли. То есть, как это... провели экспроприацию с целью освобождения эксплуатируемых женщин. А тех перевели в работные дома, но не всех. Сказывают, что примерно треть исчезла, а куда – тут кто что говорит. Среди бывших шлюх слухи ходят самые разные.

Я подергала корсет и пожалела, что не стала жакет набрасывать. Показалось, будто жарко. Теперь и вправду чуяла, что жарко, прямо аж невыносимо жарко.

– Думаешь, искали одаренных?

– А кого еще? Но это очень и очень плохо. Стало быть, наш Змееныш сумел поладить с Мастерами. А Мастера тут – закон.

– О нем ничего не слышно?

– Пока слухи один другого странней. Честно, если хотя бы половина правда, то тут все свихнулись. Может, действительно, свихнулись, но нам от этого не легче. Никто не возьмется за заказ. – Эдди сжал кулак. – Одно дело воевать против чужака с амбициями, и совсем другое – идти против Мастеров. Как бы...

Он поморщился.

– Еще тут... создали комитет нравственности.

– Чего?! – удивилась я.

Они б еще Лигу трезвости придумали, в пару, стало быть.

– Комитет, – буркнул Эдди. – Нравственности. Чтоб, значит, предотвратить преступления и защитить всех женщин.

И по нему все женщины, которые незамужние, девицы там или вдовы, должны зарегистрироваться в этом вот комитете. И туда обращаться, если вдруг понадобится помощь.

– Благие намерения... – осторожно заметил Чарли, старательно отводя от меня взгляд.

– В гробу я видел такие благие намерения. Комитет вроде как собирается бороться за нравственность, а потому найти каждой женщине в городе мужа.

– Ты ж говорил...

– С этим-то как раз проблем нет. Мужа тут найти несложно, если не совсем страшная. Другое дело, что в этот комитет можно и жалобу подать. На недостойное поведение. И тогда случится разбирательство. Уже случалось... и несколько женщин были направлены на исправление.

– Это... нормально? – осторожно уточнил Чарльз.

– А сам-то как думаешь? Это ни черта не нормально! Здесь сроду никому не было дела до чужой морали или ее отсутствия. – Эдди потер шею. – А теперь... ходят, выглядывают и... умные люди уже смекнули, что к чему. На выезд теперь особое разрешение нужно. Не всем, а женщинам. Чтоб, стало быть, не продавали их во внешний мир, где станут нещадно эксплуатировать.

– А...

– И рабов коснулось. Мужчин можно продавать, а женщины отныне под защитой. Такое вот глубокое, мать его за ногу, общественное благо.

Точно, мать его за ногу.

И мне это не понравилось. Настолько, что прямо-таки потянуло перчатки примерить да ружье свое, с которым я уже, почитай, сроднилась, к груди прижать.

Чарльз поглядел на меня.

На Эдди.

И опять на меня.

– А где держат провинившихся?

– Исправительное учреждение, куда всех свозят, что шлюх, что иных, кому не повезло, устроили не где-то там, а при башне Мастера-Основателя.

– Это плохо...

– Это ох... очень плохо, – согласился Эдди. – Тем паче что теперь белую часть города закрыли для посторонних. Вроде как из соображений безопасности. И пускают туда исключительно по особым приглашениям. В общем... денег понадобится больше, чем я думал.

– А помогут?

– Приглашение купить несложно, всего-то десять тысяч и... – Эдди замолчал. – Проблема в другом. Мне тут намекнули, что тебя ищут.

– Меня?

– Ну... не лично тебя, но некоего молодого человека при деньгах, рожею весьма с тобой схожего. Ну, с тобой прежним. Нынешняя твоя обгорелая, она как бы и другая. Так сразу и не скажешь, что ты – это ты. Если еще глаз подбить,

то вообще хорошо будет.

– Пока... давайте воздержимся.

Я согласилась. Глаз подбить никогда не поздно. Да и усомнилась, что искать будут только по физии. Я-то помнила, сколь мало портреты, шерифу приходившие, на нормальных людей были похожи.

– У них наверняка слепок имеется. – Кажется, та же мысль пришла в голову и Чарли. Он потер подбородок. – И имя... я ведь не прятался.

– Думаю, что все и сразу.

– Слепок ладно... это если попадусь куда, то сличать будут. Или в банке...

– Подгорники с таким связываться не станут, – покачал головой Эдди. – Они репутацию блюдут, а если выплывет, что они клиента сдали... нет, точно не станут.

Он издал тяжкий вздох и сказал:

– А вот жрец – дело другое.

Твою ж мать!

А ведь и вправду, нам и в голову не пришло другие имена называть. И бумагу нам выправили. И...

– Есть, конечно, небольшой шанс, что искать тебя в храме не станут, что просто разминетесь, но тут такое дело...

– Полагаться на этот шанс не след?

– Именно. – Эдди покрутил в пальцах камушек. – В общем... придется переехать.

– Куда?

– К одному... человеку. Он мне обязан.

– Не выдаст?

– Кто ж его знает. – Камушек выскользнул из пальцев и покатился по столу. – Не должен, но сам понимаешь... тут такое дело... кто живет в городе, не особо хочет связываться с Мастерами. Этак живо можно в пустыне оказаться. Или еще где.

Уточнять, где именно, Эдди не стал. А я не стала спрашивать.

– А что с приглашением? Кто пойдет?

Эдди поглядел на Чарли с упреком:

– Я, конечно. Говорят, там можно за сходную цену жену себе прикупить. Вот и поглядим. А то как-то оно нечестно выходит, что ты женатый, а я вот один-одинешенек. Друзей в беде не бросают. Вместе страдать будем.

Вот ведь. А еще брат, называется!

Глава 4,

где город поворачивается другим боком

Гостиницу, которая снаружи выглядела таким серебристым шаром, мы покидали тихо, не став беспокоить почтенного хозяина, благо тот отходил ко сну рано и того же ожидал от гостей.

Вещей было немного, а что имелось, уместилось в весьма просторную сумку.

– С лошадьми вот... нехорошо. Я за конюшни уплатил, но... Итону отписал, чтоб забрал их, закинул на станцию, а там отправил с человеком верным.

Эдди вновь вздохнул.

– Если что, затраты я возмещу, – поспешил заверить Чарли. Но Эдди лишь отмахнулся:

– Не в том дело. А... мы ж ехали вместе. И фамилия у нас с сестрой одна. И...

– Тебя свяжут со мной?

– Думаю, что да. Оно хорошо считать, что с дураками дело имеешь, да дураков бы Мастера не держали. Они ныне, конечно, не те, что прежде, но тоже не глупые. Стало быть, если найдут жреца, то и меня вычислят быстро.

– Плохо.

Чарльз пытался придумать что-то, но в голову ничего не

приходило.

– Я бы сказал, что вовсе дерьмово...

Улицы были пусты.

Они освещались огромными шарами, развешенными вдоль толстых веревок и похожими на яблоки. Шары светили неравномерно, и на стенках их виднелись пятна, будто яблоки подгнивать стали.

Пахло... так же.

Дымом. Гарью. Железом. И еще сотней алхимических растворов, смешавшихся вместе. Где-то над домами висел покров желтого тумана.

– Поэтому надо быть готовыми, что уходить придется в спешке.

Эхо шагов тонуло в железных стенах. И Чарльзу подумалось, что железа здесь как-то слишком уж много. Что это железо, если разобраться, оно повсюду. И от этого становилось не по себе.

Где-то впереди раздался грохот, что-то свистнуло, и по узкой улочке проползла железная гусеница. Она двигалась медленно, рывками. Тонкие ноги-ходули с трудом удерживали тяжелое тело, оно покачивалось и от натуги пыхало паром.

Желтым.

Едким.

– Вопрос в том, как уходить. – Чарльз закрыл лицо рукавом.

Милли чихнула.

И тоже рукав подняла.

– На-ка. – Эдди протянул ей платок, а второй Чарльзу. – Завяжи. Тут порой тяжко. Итон вывезет, если что. Не за бесплатно, но вывезет.

Хотелось бы верить, ибо если чудом выйдет пересечь пропасть, а потом и горы, которые определенно поднимали все не для того, чтобы их мог преодолеть любой желающий, то с мертвой пустыней так просто не получится.

Эдди резко обернулся и прижал палец к губам. Кивнул на стену, и Чарльз послушно к ней прижался. Спиной он чувствовал холод камня и неровность его.

Милли встала рядом. И в руках ее появились револьверы.

Да что происходит? Но тут Чарльз услышал звук шагов. Тот, кто шел, не прятался. Он ступал медленно, слишком уж медленно.

А еще он был магом.

И...

– Это Орвуд, – выдохнул Чарльз с немалым облегчением. Сердце бешено колотилось, а руки вспотели.

– И не только. – Эдди тряхнул головой. – Выходи уже, я тебя слышу.

Огромная тень отделилась от стены, и Чарльз подумал, что охотника из него точно не получится. Он не чуял орка. И не видел, пока тот просто не возник перед Чарльзом.

– Прошу прощения. – Некромант приподнял шелковый

цилиндр. – Но мне показалось, что вы решили нас покинуть.

– Не показалось, – мрачно произнес Эдди, убирая револьверы. – С нами не безопасно.

– Я уже понял.

– Слышал?

– Беседовали вы громко, а у моего нового друга до крайности чуткий слух. Просто поразительно!

Почему-то все посмотрели на Чарльза. А он даже не сразу сообразил, почему смотрят. А сообразивши, обругал себя.

Идиот!

Надо было полог защитный поставить. Ведь всегда же ставил, а тут...

– Извините, – Чарльз сумел взять себя в руки. – Подозреваю, начинает сказываться переутомление. И...

– Мы с вами можем оказаться полезны друг другу. – Орвуд перехватил щегольскую тросточку. В руке он держал дорожный саквояж, судя по позолоченным уголкам – весьма уважаемой фирмы. – В конце концов, мы преследуем одну цель.

– Именно, – прогудел орк, озираясь. – Идти надо.

Эдди вздохнул.

Милисента погладила Чарльза по руке, успокаивая. Мол, с кем не бывает. Только спокойствия это не добавило. Если их подслушали эти двое, то мог еще кто-то.

– Идемте. Там, на месте поговорим. – Эдди развернулся. – Только тихо. Ни к чему привлекать лишнее внимание.

У Чарльза тут же возникли сомнения. Сложно предста-

вить, что компания из орка, полуорка, пары магов и молодой дамы, одетой совершенно неприлично, в принципе способна не привлекать внимания. Но тут же снова себя обругал.

– Станьте рядом, отвод глаз накинута, – сказал он.

Послушали.

Дальше... дальше просто шли.

И дальше.

И ниже.

Город этот, состоявший из камня и железа, плодил улицы и закоулки, среди которых человеку незнакомому было легко запутаться. Вот и Чарльз весьма скоро вовсе перестал понимать, куда идет.

Прямо.

Влево. И снова прямо, почти протискиваясь меж двух стен. Вниз по ступеням. И прямо. Стены уже где-то выше. И опять вниз. А потом еще и еще, пока они не оказались где-то под землей. Здесь город продолжался, выгрызая себя в камне.

Под ногами хлюпало.

И воняло изрядно. Платки пригодились, хотя вонь все одно пробивалась. Хуже всех приходилось орку. Он терпел, но Чарльз спиной ощущал его раздражение.

Не сорвался бы.

– Уже почти пришли. – Эдди тоже что-то такое почуял. – Это нижний уровень. Хотя и не самый нижний.

– Куда уж ниже. – Некромант протянул орку жестянку. –

Прошу. Нанесите на верхнюю губу. Это несколько притупляет запахи. И вы тоже, леди. Господа?

Отказываться Чарльз не стал. Если уж кто и знает, как избавиться от вони, так это некромант. Мазь слабо пахла травами. Впиталась она быстро, а спустя несколько секунд окружавшие Чарльза запахи притупились.

– Спасибо, – сказал он.

– Не за что. – Жестянка исчезла в кармане кашемирового пальто, явно шитого на заказ.

А они остановились.

Этот дом стоял словно наособицу. Да и не дом вовсе, каменный куб, на который водрузили еще один, но как-то криво, а потому поспешили закрепить деревянными подпорками и галереями, что соединяли здание с другими, почти полностью ушедшими в камень.

– Погодите. – Эдди потер руки. – Я сейчас.

Он сунул пальцы в рот и издал тонкий свист, на который в доме открылась дверь. Интересное дело, Чарльз эту дверь и заметил-то, только когда та отворилась.

Даже не дверь. Кусок стены вдруг в эту самую стену провалился.

Эдди заглянул в провал, затем вовсе в нем исчез, но вернулся прежде, чем Чарльз начал волноваться.

– Заходим, – сказал он, и что-то в его голосе заставило насторожиться.

Но нет. Дом встретил их пустотой и темнотой. Правда,

стоило хлопнуть в ладоши, и где-то под потолком слабо за-светились полуразряженные камни.

– Только, Эдди... – Мужчина, который стоял у стены, был невелик, но это все, что Чарльз мог о нем сказать. Слишком темно. Да и человек кутался в просторные одежды. – Слушок пошел, что за тебя заплатить готовы.

– Много?

– Не так много, чтобы здравомыслящий гражданин рискнул. – Незнакомец набросил на голову капюшон. – Но сам знаешь, здравомыслящих тут немного. Поэтому поостерегись.

Чарльз удержал за руку Милли, готовую шагнуть на свет. Морок работает, и кто бы ни стоял там, у стены, увидит он немного – размытые силуэты, на которые и глядеть-то не хочется.

– Спасибо, друг.

– Не за что... живи и... если что, то я тебя не видел.

– И я тебя.

– Еда там, вода тоже. Правда, фильтры маленько барахлят, но переберешь.

– Только фильтры?

– Ищи. Что найдешь, то твое.

– А мастерская?

– Закрылась. – Это человек произнес с тоской. – Не слышал о новом законе?

– Каком?

– А... ну да, ныне законов стало как-то слишком уж много. В общем, чтобы мастерскую держать, надобно получить лицензию. А для того – пройти освидетельствование. У Мастеров. Чтоб, значит, подтвердить статус и знания.

Эдди выругался.

– Многие уже ушли. Я вот ждал, думал: может, отменят... но... третьего дня, помнишь Бена?

– Который одноногий?

– Его. Он вроде как закрылся, но людям знающим помогал, как попросят. Кто-то донес... и забрали Бена.

– Суд?

– Был... навесили штраф, а откуда взять, когда все конфисковали в доход города? Ну и пойдет, стало быть, тоннели строить. Нет, Эдди, ты как знаешь...

– А...

– Чтоб освидетельствование пройти, надобно в мастерской поработать. И ладно бы просто даром, так нет... сто пятьдесят золотых! Представляешь? – Возмущение хозяина было вполне искренним. – И дело даже не в этом, мать его...

Он добавил пару слов покрепче.

– Многие пропали, Эдди. Вроде как решили лицензию взять, там с нею и послабления обещали, налоги ниже, право участвовать в аукционах и вообще продавать продукцию через Верхние Мастерские. И решились. Вышло. А потом пропали. Не все. Некоторые. Из крепких мастеров. Ни про Криворота, ни про Шипа я больше не слышал. Нет, Эдди, что бы

тут ни затевалось, оно точно не к добру. Так что мы с Итоном уходим.

– А он...

– Уйдет. И вернется. У него ж поезд. Хотя... я уже начинаю думать, что этот поезд ему надолго не оставят. Рад был повидаться. И... удачи тебе.

Человек выскользнул сквозь щель в стене.

И стало тихо.

В тишине этой было слышно, как потрескивает искра, попавшая под колпак лампы, и гудят трубы в стенах. А еще где-то там, далеко, капает кран.

Или не кран.

Но капает.

– Да уж. – Эдди поглядел на светильники, которые скорее сгущали тьму, чем давали свет. – Честно говоря, не знал, что так... я тут давненько не был, с полгода точно. Но такое...

– Думаю, об этом тоже следует побеседовать, – с тошнотворной бодростью произнес Орвуд. – Но для начала стоит заняться нашим пристанищем. Чарльз, вы сумеете зарядить лампы?

– Сумею. – Чарльз прищурился.

Накопители в системе стояли нестандартные. Да и сама она, питавшаяся от короба, выглядела незнакомой.

– Чудесно. Я тогда займусь плесенью. – Сняв белоснежные перчатки, некромант отправил их в нагрудный карман. – Полагаю, здесь частенько случались выбросы энергии, а вот

экранировали помещение давно и защиту не обновляли, отсюда...

Он продолжал говорить что-то еще, заполняя пустоту.

– Тут мастерская была, – сказал Эдди. – Это старый знакомый. Мастер. Не тот, который от основателей, но неплохой. Мы... поладили. Я ему приносил кое-что на продажу.

Вряд ли законного происхождения.

– И брал опять же. Камни... Милли заряжала, хотя это долго, да... туда-назад... тут всегда хватало тех, кто за недорого готов был зарядить камни. А оно вон как вышло.

– Не сдаст? – уточнила Милли.

– Понятия не имею. Сам вряд ли. Он мне кое-чем обязан, а такие люди верят в удачу. Но если возьмут и прижмут, тогда да, запираться не станет.

Что ж, логично.

– Другое дело, что о нашем знакомстве никто и не знает. Так что шанс есть.

Чарльз откинул крышку ящика и вытащил первый из дюжины камней. Крохотный совсем, и Силой заполнился быстро, впрочем, как и остальные. А схема интересная. И сама мысль заменить несколько крупных и дорогих накопителей более мелкими и дешевыми достойна внимания.

Любопытно будет посмотреть, надолго ли их хватит.

Но света стало больше. Хватило, чтобы разглядеть место. И вправду, мастерская, точнее ее остатки. Столы. Какие-то ящики под ними. И другие – на стеллажах, что вытянулись

вдоль стены. Массивная туша сварочного аппарата, правда, изрядно закопченного и вряд ли рабочего. Голем, от которого сохранился лишь остов, и то частично.

Плавильная печь.

Дорогая штука, но слишком тяжелая, чтобы тащить с собой. И вряд ли новая, иначе ее бы продали.

– Жилые комнаты на втором этаже, – сообщил Эдди. – Только... он еще та свинья.

И оказался прав.

Глава 5

О теории эволюции, драконах и снах

На втором этаже стойко и резко пахло прокисшим пивом – ненавижу этот запах с детства – и падалью. Я огляделась.

Комнаты две.

В одной, поменьше, нашлось место для огромной ванны, покрытой ржавчиной и какой-то черной слизью. Над ванной из стены выглядывал кран, с которого свисали зеленые нити то ли плесени, то ли водорослей. Пол был черен. И покрыт толстым слоем мусора.

Мамаши Мо нет на этого мастера!

Вторая комната оказалась не чище. Тот же пол, правда с ковром, который к полу прилип намертво. Тот же мусор: мятая рваная бумага, песок, обертки, какие-то железяки, куски ткани, кости и шелуха семечек, огрызки яблок и зачерствевшие до сухого состояния булки. Но зато здесь имелся огромный стол, украшенный золотыми медальонами. С медальонов скалились морды львов, пусть и несколько заросшие черной липкой грязью, но все одно грозные.

Зеркало на тумбе.

Кровать.

Одна. Пусть огромная, с половину комнаты, но одна! И... и лечь на нее я не рискнула бы. Покрывало пестрело

пятнами. Прямо посреди кровати валялась канистра, из которой тихо капала черная жижа.

– По-моему, тут спалить все проще, чем убрать, – сказала я Эдди.

Братец вздохнул:

– Извини, но... сюда точно без нужды никто не сунется. Это место он держал для особых... сделок. А так у него своя мастерская на верхнем уровне. А про это если и знают, то далеко не все.

Может, и так, но уютнее от осознания сего факта не стало.

Уборка.

Ненавижу уборку.

Мамаша Мо полагает, что это явный признак одержимости бесами. Прежде всего – лени. Ибо женщина просто-таки обязана от рождения жаждать порядка. Нет, порядок я люблю, но чтоб вот так его наводить...

Пришлось.

Даже супруг мой мусор собирал, пусть и с прискорбным видом. А некромант, который, небось, тоже не из простых, вдоль стен прошелся. Уж не знаю, чего он сделал, да только щекотно стало, а еще плесень с этих стен сама осыпалась. Кое-где вместе со штукатуркой, обнаживши подгнившее дерево, ну так то издержки, так сказать.

Орк сгрэб и вынес ковры. Понятия не имею, куда он их дел, но под коврами обнаружился весьма приличный пол почти натурального цвета. Эдди предположил, что сугубо в

теории можно и остальной отмыть – мол, под грязью он тоже натуральный, только замызганный; однако почему-то ни у кого не возникло желания теорию практикой проверить.

– А заклинания нету какого-нибудь? – уточнила я на всякий случай. А то вдруг окажется, что зря мучаемся и можно как-нибудь по-хитрому пальцами щелкнуть, чтобы оно все само взяло и убралось.

Я аж зажмурилась от такой перспективы.

– К сожалению, нет, – разочаровал меня Чарли. – Существуют кое-какие бытовые заклинания вроде бы... точно знаю, что для чистки каминных труб есть. И для решеток тоже. Стабилизирующие. Артефакты, пыль притягивающие, тоже бывают. Но я, к сожалению, ничего такого не умею.

– Жаль. – Я подавила вздох.

Оно, конечно, огненную стену полезно пустить, особенно на мертвяков, но в данном случае это чересчур. Ничего, вот поеду на Восток и выучу.

Или нет?

К утру управились.

Последней, после весьма продолжительной дискуссии, вытащили кровать вместе с матрасом, на котором пестрели странного вида пятна, простынями, что прятались тут же, скомканные и печальные, и подушками.

– А спать на чем будем? – позевывая, поинтересовалась я. Тут даже одеял не нашлось, а наши с лошадьми остались. А поспать я бы не отказалась.

– Могу уступить вам свое пальто, – предложил некромант. А Чарли нахмурился этак, не по-доброму. Однако промолчал. – Но, полагаю, где-то здесь должен быть магазин. Или рынок?

– Есть, – ответил орк, поправляя цилиндр. – Я загляну. К вечеру будет.

Я кивнула.

До вечера как-нибудь продержусь. А пока и в кресле подремать можно. Что-то притомила меня эта уборка.

Я забралась в кресло с ногами, разуваться тоже не стала, и ружье, к которому привыкла уже, поближе поставила. А то ведь... место надежное, если Эдди так говорит, но мало ли.

С ружьем оно всяко надежней.

Стоило закрыть глаза и... я провалилась в сон. Но и во сне ощущала зверскую усталость, что злило неимоверно. В конце концов, нормальные люди спят, чтобы отдохнуть, а я вот... опять город.

Площадь.

Помост, укрытый золотой тканью, и знакомое кресло на нем. Надо же, вынесли. А ведь тяжеленным казалось! На кресле – человек в алых с золотом одеждах. И шелка яркие, что кровь. Само же кресло стоит так, что разглядеть лицо человека сложно – солнце глаза слепит. И я шурю, заслоняясь от яркого света.

Иду.

И главное, прекрасно понимаю, что сплю, что все не вз-

правду. Но это странным образом только больше злит. Вот почему нормальные люди во сне что-нибудь приятное видят? Фей всяких там или цветущие луга, золотые горы или шоколадные.

Шоколада захотелось.

И в животе заурчало.

Да так громко, что человек, сидевший на троне, повернулся ко мне. Надо же, а я ведь помню эту рожу распрекрасную.

– Привет, что ли, – произнесла я, подавив зевок. Нет, этак я точно свалюсь, если и во сне, и наяву жить буду.

– Проклятая кровь! – возопил этот, на троне, и руки воздел.

– Скажи что-нибудь новое.

Я огляделась вокруг.

А высоко забралась. Или это как обычно во сне? Сделал шаг, а уже вроде и на вершине горы, стоишь, глядишь, рукой пропасти помахиваешь?

Пропасти не было, но имелась лестница, которая терялась там, внизу. И люди, что окружали и помост, и лестницу, и нас, – все нагишом. Это нормально? Нет, шкура у них расписана золотом и серебром и еще увешана камнями драгоценными, отчего кажется, будто они чешуей покрыты.

Но весь срам напоказ!

Я покачала головой.

– Ты пришла. – Человек на троне поднялся, опираясь на посох – тяжеленный с виду. Таким по башке кого приложить

– самое милое дело.

– Можно подумать, у меня был выбор.

Я подавила очередной зевок.

– Чего вам от меня надо?

А то чую, само это не прекратится. У меня ведь тоже нервы имеются, это ж никакого порядку не будет, если то явь, то сон.

– Отпусти нас, – сказал он.

– Куда?

– В смерть. – Прекрасное лицо исказила судорога. – Позволь уйти.

– Идите.

Я сказала это громко, чтобы слышали все, но ничего не произошло. Может, надо еще громче?

– Бестолковая, – покачал головой великолепный покойник.

– Какая уж есть. – Я опустилась на ступеньку и подвинулась. – Садись, что ли. Поговорим?

Он хмыкнул. И посох свой перехватил. А я еще подумала, что если он этим посохом меня приложит, то я помру или проснусь? Но он посох приткнул сбоку кресла и спустился.

Сел.

Рядом совсем.

А я чувствую, что он неживой. То есть нельзя сказать, чтобы совсем мертвый, – мертвяки чуток другие, – но и не живой.

– Звать-то тебя как?

– Солнцеподобный.

– А для друзей если?

– Ты не друг.

– Ну почему, я ж вроде и не враг... Ты извини. – Мне стало вдруг стыдно, что я его ограбила. Ну, и кости в беспорядке оставила. Может, надо было хотя бы в кучку сложить, так оно вежливей.

– Ничего. Та плоть мертва. – Он опустил голову, а мне подумалось, что он совсем даже не старый. – Кархедон.

– Чего?

– Ты спрашивала имя. Кархедон. Так меня нарекли при рождении.

– Милисента. – Руку протягивать я не стала. – Так... что мне надо сделать, чтобы вы того... ну, окончательно померли? Сиу сказали, что город сам рухнет теперь, но, похоже, ошиблись, да?

– Да.

– Как вы... ну, они говорили... и тут... – Подумалось вдруг, если кто и знает, что за внезапная любовь мозги людям затуманила, то это кхемет.

И Кархедон, раз он тут за старшего.

– Да и вообще, что произошло?

Те, внизу, стояли и смотрели. И наверное, чего-то ждали.

– Сложно сказать. – Кархедон поднял алые одежды и поскреб ногу. – Проклятые клопы... совершенно не поддаются

воздействию.

– А то, дуством их тоже хрен вытравишь, – согласилась я. – Правда, как-то Эдди, это брат мой, приволок орочий артефакт, так ни одного не осталось.

– Примитивная сила лучше действует на примитивный разум.

– А у клопов разум есть?

Что-то мы не о том говорим, но ведь неплохо же сидится.

– Понятия не имею. Как-то вот не задумывался... а что до твоего вопроса, то что вы знаете о сотворении мира?

Тут уж пришла моя очередь хмуриться.

– А тебе по какой версии? – уточнила я.

– Есть разные?

– А то! Мамаша Мо полагает, что мир сотворил Господь единый в семь дней. Или в шесть? В общем, волей своей. И все сущее. И еще демонов, ангелов, ну и орков тоже. А в Большой Британской энциклопедии написано, что мир возник в результате естественных процессов. Солнце взорвалось...

Я поглядела вверх, убеждаясь, что солнце никуда с небосвода не делось. Висит. Светит.

– Ну а дальше эволюция случилась. И все живые твари возникли в процессе ее.

Кархедон задумался.

– Когда-то давно, когда из чрева Великого Дракона исторглося пламя, из него и плоти дракона возникло великое

множество миров.

То есть начнем мы вон откуда? И сколько ж мне спать придется, пока до сути доберемся? Но недовольство свое я при себе оставила.

Да и так ли уж я недовольна?

Сидим вот. Хорошо же сидим. А что сон бредовый, так кто от снов нормальности ждет?

– Кровь принесла жизнь в эти миры. Из крови этой возникли драконы, а после и все иные существа. – Кархедон вновь замолчал.

– Значит, драконы существовали?

– А ты не поняла? – Он повернулся ко мне.

– Нет. Я не особо понятливая, – сообщила я чистую, между прочим, правду.

– Проклятая кровь...

– Да хватит уже. – Я подавила зевок. – Какая есть. Можно подумать, я этого хотела... Так что там с драконами?

Вместо ответа он вскинул руки, и алые полы его одеяния взметнулись, словно крылья. А потом крыльями и стали. А сам Кархедон превратился в дракона.

Мать моя...

От удивления я едва не проснулась. Ну, и еще от страха, ибо те, внизу, тоже стали драконами. И... и вовсе это не золотая краска на коже! Это сама их кожа, сотворенная из золота. И драгоценные камни ложатся на нее узорами. И...

Кархедон зарычал, и меня обдало жаром, вонью и еще ды-

мом.

– Будешь кочевряжиться, – я показала кулак, который рядом с драконьей мордой казался не таким уж большим, – уйду. И сиди тут со своими...

Те, внизу, походили на змей, что вдруг сплелись чешуйчатым клубком. И красиво, и жутко. И мутит даже, если вглядываться. Чем больше вглядываешься, тем сильнее мутит.

Кархедон выдохнул и вновь обернулся человеком.

А площадь исчезла, и мы оказались в знакомом уже зале, правда теперь его заполняли люди. Ну, то есть те, которые драконы. Но в человеческом обличье.

– Мы были первыми в этом мире. И приняли его. Мы сотворили его таким, каким он стал. Все, что ты видишь, горы и долины, моря и пустыни, реки и озера...

– Я поняла.

– ...все это создано нашей волей из плоти и силы, правом, полученным когда-то от Великого Дракона.

Все-таки с фантазией у них не очень. Великая Мать, Великий Дракон, Великий Охотник... или охотник первым был? Чтоб вас, забыла.

Проснись – уточню.

– Из капель его крови возникли иные существа. Сперва они мало отличались от животных, и мы лишь смотрели, не вмешиваясь. Однако после, когда поняли, что существа эти несут в себе искру разума, мы решили помочь им.

– Какая-то, уж извини, странная помощь. Если то, что я

видела, правда.

Кархедон поглядел вниз.

Вздыхнул.

– Мы учили их. Оберегали их. Относились к ним как к неразумным детям... и в какой-то момент решили, что вправду распорядиться ими, как родители распорядятся детьми.

– А родители бывают разными, – заключила я.

Мне ли не знать.

Если подумать, то мой папаша – не самый худший вариант.

– Наверное, тогда все и началось. Мы... мы решили, что и в самом деле стоим над миром. Владеем им. И можем творить все, что вздумается. Мы ведь помогли им выжить. Раздули эту искру, которая могла погаснуть в любой момент. Мы... желали благодарности.

– И любви?

– И любви, – согласился он.

– А это... – я крутанула рукой, – вообще нормально? Ну, когда кого-то так любят, что прямо разум теряют? Или сказки? Сиу говорили, что вы... что... ну, если на тебя глянуть, то любой сразу влюбляется – будь то человек или нет.

– Любовь есть свойство души, – наставительно произнес Кархедон в точности тем же тоном, что у нашего пастора, когда он про добродетели начинает рассказывать. – Она истекает из пламени первозданного, которое есть в любом существе.

– Ага.

Понятнее не стало, но запомню.

– Мы же сами по сути пламя. И малая искра стремится к большому огню, дабы стать частью его.

– То есть это все-таки правда?

– К сожалению. Такая любовь... чужая любовь развращает. – Человек-дракон выставил руку, любуясь перстнями. А я подумала, что надо было еще по залу пошариться.

В наших нынешних обстоятельствах золото пригодилось бы.

– Когда кто-то живет исключительно ради тебя, когда все его помыслы, все устремления направлены на то, чтобы доставить тебе радость, то поневоле к этому привыкаешь. И проверяешь его. Раз за разом, шаг за шагом. Пытаясь найти границу, за которой эта любовь прекратится.

– А границы нет?

– Именно, проклятая.

– Да ладно, можно подумать, вы тут все благословленные. Значит, они вас любили, а вы начали их испытывать. И получилось то, что получилось.

– Именно. Еще учти, что добровольно отданные Сила, душа и кровь – это много. Это... они продляют жизнь.

– А вы не бессмертны?

– Даже Великий Дракон был смертен. Мы же существовали дольше малых народов, но все одно не так долго, как желали бы. И поддались великому искушению сохранять не

только жизнь, но и молодость и красоту. Взгляни на них!

Он простер руку над троном.

– Видишь ты хоть кого-нибудь, кто не был бы красив или молод?

– Нет, – ответила я очевидное, хотя не сказать чтобы особо приглядывалась.

– Последнее дитя появилось на свет более чем за две сотни лет до падения. – Кархедон отвернулся.

– Давненько.

– Мы... не видели в том проблемы. Для чего дети тем, кто мнил себя бессмертным?

– Ошибочка вышла. – Наверное, стоило бы помолчать, но я, честно, не удержалась.

– Ошибочка, – хмыкнул он. – Именно... и не в детях дело. И не в нашей самоуверенности. Мы забыли, что за все приходится платить. В том числе и за бессмертие. Мы длили свои жизни чужими. Мы принимали дары крови, смерти и Силы, медленно погружаясь в безумие и сами того не замечая. Ты ведь видела?

– Как жгли людей? Они кричали.

– Они пели славу нам, задыхаясь от восторга, который сильнее боли.

– Ну... извини, но мне так не показалось.

– Значит, ты видела смерть отступников.

– А и такие были?

– Стали появляться. Среди нас. Те, кто видел, что про-

исходит, как я понимаю. Они сперва пытались обратиться к разуму и сердцу.

– Но не вышло?

Дракон лишь вздохнул.

– Они говорили о том, что мы умираем. Пусть и бессмертные, но все одно умираем. Наши города... прежде их было много больше, но города стали нам неинтересны. Нам все наскучило, кроме крови и развлечений.

– И золота, – ввернула я. – Извини, но у вас, насколько я видела, какая-то совсем уж нездоровая тяга к золоту.

– Оно красивое, – пожал плечами Кархедон.

И не поспоришь.

– Среди золота легче дышится. Да и просто... мы ведь были достойны лучшего.

– Но не все, так?

– Тот, кто полагал иначе, стал проповедовать новый путь. Он говорил, что и малые народы годны не только в пищу. Он сошел к племенам, которые оставались дикими...

– А и такие были?

– Были, конечно. Мы называли себя владыками мира, но, как понимаю, власть наша простиралась лишь на малую часть его. Он же пересек океан. И именно эти, дикие, ничтожные племена сумели разбудить в нем искру интереса. Он ушел, потом, спустя годы, вернулся... мы не слишком-то обращали внимание. Мы были заняты собой. Мы не замечали, что все меньше земель остается под нашей властью,

что дальние города, младшие города, замолчали, что исчезли драконы, в них обитавшие, что... все вновь переменялось.

Он замолчал, глядя на то, что творилось в зале. Я тоже поглядела. Одним глазком, а потом решила, что ну его! Нет, этакое разврата и в борделе-то не встретишь.

Опасное место эти дворцы.

Нет, ну вот как можно творить то, чего они творят, перед троном?

– Я осознал опасность, лишь когда он, мой собственный брат, встал передо мной, требуя запретить все то, что кормило город и нас. Он много говорил. Пылко говорил. О цивилизации. Развитии. Естественном ходе вещей.

Надо полагать, впусую говорил.

– О том, что мы ведем себя недопустимо, что мир не готов и дальше терпеть. Что мы эксплуатируем малые народы. Что мы почти истребили некоторые из них.

– Но ты не послушал.

Я бы тоже, наверное, не послушала, завявись кто-нибудь и начни читать нотации. Или там потребуй... не знаю, чтоб я перестала эксплуатировать, скажем, свиней.

Или индеек.

– Я сказал, что он безумен. И что позволяю ему уйти, но навсегда. А изгнание из города означало смерть. Даже те, кто уходил добровольно, слишком привыкли к Силе, которую он дает. Им приходилось возвращаться.

– И он...

– Бросил мне вызов, – просто ответил Кархедон. – Был бой. И я одержал победу.

– И убил брата?

– Нет. Я убил тех, кого он создал. Там, на площади. И я... я не даровал им любви. Его же заставил смотреть, чтобы он понял, сколь опасное дело затеял.

Сдается мне, что над методами убеждения ему еще работать и работать. Оно, конечно, действительно, да только в нужную ли сторону?

– Я позволил ему уйти. – Кархедон поглядел вниз. – И не только ему. С ним ушли пятеро. А потом появились подобные тебе.

Глава 6,

в которой строятся планы и обсуждаются сны

Милисента спала, свернувшись калачиком в кресле, к счастью, довольно большом. Она подложила под щеку ладони, во сне хмурилась, кривилась, вздыхала и выглядела при этом совершенно беспомощной, отчего вдруг появилось непреодолимое желание защитить ее.

От всего.

От всех.

Желание не то чтобы странное или неожиданное. Но Чарльз просто стоял и смотрел, удивляясь сам себе. Стоял и...

– Думаю, – шепотом произнес Орвуд, – стоит обсудить сложившуюся ситуацию ввиду новых обстоятельств.

И пальто свое на Милли накинул.

И... правильно, в доме сыровато, прохладно, этак и заболеть недолго. Но почему-то было до боли обидно, что у Орвуда пальто имеется, а у Чарльза нет.

– Согласен. – Чарльз заставил себя отвернуться. – Здесь?

– Почему нет. – Некромант прикрыл глаза. – Ее все одно тут нет.

– В смысле?

– Она за гранью.

– И...

– И вмешиваться не стоит. Что бы она ни видела, поверьте, пока она сама с этим не разберется, мы ничего не сможем сделать.

– Что это вообще за... – проворчал Эдди и мрачно взглянул на некроманта. И кажется, не только он.

– Сны... – Тот пожевал губу. – Сны – субстанция до крайности хрупкая. Я читал работы физиологов, полагающих, что сон есть эхо работы разума. Думаю, в чем-то они правы. И образы, которые предстают перед нами во сне, зачастую есть преобразенное сознательным или бессознательным представлением о мире тварном.

– А можно попроще? – Эдди подошел к сестрице и коснулся головы.

– Если попроще, то разуму нужен отдых едва ли не больше, чем телу. Он запоминает все когда-либо увиденное или услышанное, а после, во сне, осмысляет. Мы же видим лишь некоторые проявления этого процесса; как полагают некоторые ученые, сугубо физиологического.

Эдди проворчал что-то неразборчивое.

– Однако есть и другая точка зрения, о которой вы наверняка слышали. Сны есть то, что увидено душой. Она покидает тело и путешествует... у кого-то дальше, у кого-то ближе.

– Хороший шаман идет своей дорогой, – заметил орк, прислонившийся к стене.

– Интересно, что среди людей весьма редко встречаются

те, кому подвластны подобные, скажем так, путешествия. Ясновидцы и предсказатели...

– Мошенники. – Эдди почесал кулак. – Знавал я одного такого провидца... за его голову сотку обещали. Он мне на пророчил, что поеду на Восток, стану богатеем и женюсь на благородной. Идиот. Но сотку дали.

Предсказателя стало даже немного жаль.

– Да, аферистов много, но есть и те, кому действительно открыто куда больше. Но ведь вам самому это известно, не так ли. – Некромант поглядел на Эдди, и тот смутился. – В вас много иной крови. А среди орков, насколько я знаю, довольно часто встречаются способные провидцы.

– Нечасто. Хорошего шамана попробуй найди, – вздохнул Эдди. – Небось, когда бы был хороший шаман, он бы упрел.

– Возможно. Я вижу, что ваша связь с материальным миром гораздо слабее, чем моя или вот его. – Орвуд указал на Чарльза. – И полагаю, что вы частенько видите куда больше, чем способны объяснить.

– А Милли при чем?

– У вас общая кровь.

– По папаше только если.

– А ваш отец, он ведь не был в полной мере человеком?

– Полукровка, – буркнул Эдди и поскреб затылок. – Моя бабка была внучкой шамана. А дед – он тоже не совсем чтоб человек. Матушка говорит, во мне всякого намешано, а по-

тому не пойми что и получилось.

– Уверяю, все не так уж плохо. Вам просто, как мне кажется, не хватает знаний. И уверенности в себе, – поспешил утешить Орвуд. – Но возвращаясь к вашему вопросу. Я чувствую, что граница миров истончилась, как бывает, когда кто-то заглядывает за грань. Ваша сестра, во-первых, имеет подходящую кровь, пусть малую часть ее, но все же. Во-вторых, полагаю, во время вашей поездки вы столкнулись с чем-то, что оставило свой след.

– Оно опасно?

– Все в какой-то мере опасно. – Орвуд пожал плечами. – К сожалению, мне дана власть над материей, но не тонким миром. Вот моя сестра могла бы сказать больше.

– У вас и сестра имеется?

– Даже две. – Некромант слабо улыбнулся. – Но они редко покидают поместье. Эва родилась весьма чувствительной. Ей сложно находиться среди людей. А Виктория... впрочем, неважно. То, что я знаю, я знаю от Эвы. И она утверждала, что тот, иной мир начинает представлять опасность, лишь когда ты веришь в его реальность. Тогда она и становится реальной.

– А как понять, верит ли Милли?

– Никак. – Орвуд поглядел на Чарльза. – К сожалению.

– А если разбудить?

– Не стоит.

– Почему? – Чарльз отметил, как хмурится во сне Мили-

сента, как движутся ее губы, словно она беседует с кем-то невидимым.

– Потому что, во-первых, человек не способен вовсе обходиться без сна. Рано или поздно она снова заснет. И чем сильнее будет ее усталость, тем глубже она провалится в тот мир. Во-вторых, я не чувствую опасности.

Последнее нисколько не успокаивало.

– В-третьих, кровь шамана ее защитит...

Хотелось бы верить.

– Ну и в-четвертых, я, с вашего позволения, поставлю метку. И если жизненные показатели начнут падать, тогда мы и попробуем ее разбудить.

– Попробуем? – Похоже, Эдди эта концепция тоже пришлась не слишком по душе.

– Увы, далеко не всегда получается. Да и плохая идея. Честно. Если душа далеко за гранью, привязка ее к телу истончается. И не факт, что, разбудив тело, мы вернем и душу.

Что-то стало совсем нехорошо.

– Повторю. Пока нет поводов для беспокойства.

Это смотря у кого. Чарльз вот чувствовал себя чрезвычайно обеспокоенным.

– Доверьтесь ей. – Голос Орвуда слегка дрогнул. – Иногда излишняя забота способна навредить. И не всякий вред получится исправить.

Спокойствия это высказывание точно не прибавило.

Чарльз осторожно коснулся щеки Милли. Теплая. И ды-

хание спокойное, и сердце бьется ровно. И... и возможно, что сон – есть лишь сон и не более того. В конце концов, Орвуд тоже может ошибаться.

И очень хотелось, чтобы он ошибся.

Чтобы...

Чарльз убрал руку и подавил вздох. Надо взять себя в руки. И без того хватает забот.

– Надо решить, как быть дальше. – Свой голос он слышал словно со стороны, не находя сил отвести взгляд от Милисенты. – Надолго тут задерживаться нельзя.

– Согласен. – Эдди кивнул. – Тут, конечно, народец такой, не привыкший в чужие дела вмешиваться. Но если объявят награду, тогда все осложнится.

– Сдадут? – уточнил орк.

– Естественно.

– Возможно ли точно узнать, кого ищут? – Орвуд тоже наблюдал за спящей девушкой. И этот его интерес Чарльзу категорически не нравился. – Поскольку одно дело, если речь идет о вас с мистером Диксоном, и совсем другое, если и мы тоже привлекли внимание.

– Вряд ли. – Эдди потрянул головой. – Мне бы сказали.

– Если подумать, в поезде мы все встретились случайно.

Возможно, нам следует вернуться в гостиницу и обставить все по-новому. – Орвуд сцепил руки за спиной. – Скажем, я нанял вас, мистер Разбиватель Голов, – обратился он к орку.

– Можно просто Дик.

– Дик, – поправился Орвуд. – В качестве охранника. И сопровождающего. Кого-то, знакомого с местными реалиями.

Он щелкнул пальцами, пытаясь поймать ускользающую мысль.

– А еще способного помочь человеку в весьма... деликатном деле.

– В бордель сводить, что ли?

– Нет больше борделей, – горестно произнес Эдди. И собравшиеся почтили утрату минутой молчания.

– Тогда...

– В кабак? В подпольные мастерские? В иные злачные места. Злачные же места остались?

– Понятия не имею. – Эдди опустил на пол и скрестил ноги. – Но должны бы.

– Если город есть, то и злачные места тоже, – высказался Дик, тоже усаживаясь. Он снял цилиндр и пригладил и без того гладкие волосы. Волосы его были заплетены в тонкие косицы, а из косиц торчали красные и белые перья; кажется, еще выглядывали кости и бусины.

Чарльз подумал, что в Географическом обществе Разбиватель Голов нашел бы весьма благодарную аудиторию.

– Стало быть, если вдруг кто-то спросит, мы сможем... объяснить наше отсутствие.

– А дальше? – План не то чтобы не нравился графу.

Он был разумен.

– Дальше... дальше я обращаюсь к тому, кто держит это за-

ведение, с просьбой достать билеты... куда там надо? Неважно. Туда, где можно по сходной цене приобрести невесту. Благо проблема у меня имеется, и не выдуманная, а потому...

– Вы были свидетелем на свадьбе.

– Отнюдь нет. – Некромант покачал головой. – Если вы вдруг запомнили...

Это прозвучало насмешливо.

– ...то свидетелями на вашей свадьбе выступали почтенные горожане. А что мы в то же время оказались в храме – просто совпадение. Или же... мы пожелали составить вам компанию. Все-таки несколько сблизилась за время путешествия. А заодно уж вы посоветовали гостиницу... или лучше вы, Эдвард.

– Не зовите меня так, – проворчал Эдди.

– Почему?

– Папаша так называл. Когда был пьян или злился. А он постоянно или был пьян, или злился. Эдди я.

– Хорошо. – Орвуд слегка склонил голову. – В таком случае вы посоветовали нам приличную гостиницу, но на этом наши пути разошлись.

– Думаете, поверят?

– Не знаю. Возможно, что и нет. Но если вы говорите, что здесь существует некое подобие закона, то они вынуждены будут соблюдать хотя бы видимость законности. Да и в целом. – Он посмотрел на руки. – С подобными мне старают-

ся... не конфликтовать без особой на то надобности.

И Чарльз ему поверил.

– Что же до прочего, то... деньги всегда вызывают интерес. А Орвуды весьма и весьма состоятельный род. С учетом же наших особенностей и, как вы утверждаете, специфики работы того... человека, логично предположить, что я желал бы решить свои семейные проблемы.

План Чарльзу все-таки не нравился. Большею частью потому, что ему самому в этом плане роли не отводилось.

– Что же касается вас... – Взгляд Орвуда был полон бесконечного терпения. И графу сразу стало стыдно за свои мысли. – То, полагаю, слегка изменив внешность, вы можете оставить этот дом и пройти по здешним значным местам. Вероятнее всего, они окажутся более значными, чем те, которые наверху. Прогуляйтесь. Порасспрашивайте. Послушайте, о чем говорят люди. Не может такого быть, чтобы подобные реформы совсем не вызвали отклика.

Он замолчал.

А вот Эдди потер подбородок:

– Оно-то так, но... в городе беспокойно. Я шкурой чувую. Как бы не вышло чего с вами... Вы, может, и некромант, но и тут тоже умельцы сыщутся.

Чарльз подумал, что уходить придется с боем.

Наверняка.

Мысль, как ни странно, успокоила. И он осторожно погладил теплую щеку своей жены.

Жены.

Надо же.

А Чарльз, похоже, начал привыкать к мысли, что у него теперь есть жена.

Глава 7,

где речь идет о драконах, истории и одержимости

Каков мир с высоты драконьего полета? Крохотный. Будто золотая бусина на синем бархате. Помню, когда-то давно, когда я была совсем маленькой, а дом еще держался, у мамы имелись бусы. Жемчужные. И она доставала их из коробки, примеряла, глядела на себя в зеркало и тихо-тихо вздыхала. И думала наверняка, что я маленькая и не понимаю.

Все я понимала.

И бусы те любила. Я перебирала жемчужину за жемчужиной, и каждая представлялась особенной. Как этот мир внизу... и пахнет от него так же: старой ветошью, которой жемчужины натирали до блеска, и лавандой. Веточку ее матушка хранила в коробке.

Я взмахнула крыльями, поднимаясь все выше.

– Осторожнее, проклятая, – сказал золотой дракон, складывая крылья. – Небо тонкое, не выдержит и порвется.

Дурак. Как небо может порваться?

Оно ведь не из бумаги, что бы там Мамаша Мо ни говорила. Это слои атмосферы, которая при подъеме становится разреженной. А аппараты тяжелее воздуха взлететь не могут. Это кто-то там доказал. Я читала статью в газете.

Помню газету.

И статью.

И крылья держу распахнутыми, позволяя ветру наполнять их. И мы спускаемся. Мир утрачивает сходство с жемчугом, а к нам тянутся отроги Драконьих гор. В них, оказывается, действительно жили драконы.

Полет обрывается вдруг, как оно только во сне бывает.

– Оставайся, – предложил дракон, принимая такое неправильное человеческое обличье. – И мы будем подниматься в небо каждый день!

Сердце забилося.

Я все еще помнила, что нахожусь во сне. Что все это – не взаправду, каким бы настоящим ни казалось. Но там, наяву, у меня никогда не будет крыльев.

И мир не превратится в жемчужину.

И...

– Нет. – Я покачала головой и потребовала: – Расскажи.

– Что именно?

Мы вновь были на площади, правда теперь только вдвоем. И ни помоста, ни трона, ни других драконов, не говоря уже о людях.

– Они ушли. И дальше?

– Дальше появились подобные тебе. Сперва глупая рабыня не ответила любовью на взгляд Огненного Духа, и тот разгневался. Мы стали легко впадать в ярость. Он оторвал ей голову, а саму скормил соплеменникам, которые славили его за щедрость.

Меня передернуло.

– Но позже... позже случилось странное. Они, отведавшие плоти, вдруг утратили любовь и веру. Тогда это сочли неудобным происшествием и только. Но не прошло и месяца, как вновь случилось нечто подобное, но в другом месте. И в третьем... пока ничего серьезного, что потребовало бы многих сил. Мы сочли, что искры истинного пламени стали гаснуть, что на наш взгляд свидетельствовало об одном: малым народам оставалось недолго. Конечность их существования была предопределена. Так мы думали. Но потом... потом вдруг замолчал еще один город. Не прошло полсотни лет, как и другой. И третий... Они просто исчезали. А мы были слишком заняты собой, чтобы обратить на это внимание.

Площадь наполнилась жизнью, но та существовала где-то еще, словно в мгновеньи до меня. Или после? Главное, что эта жизнь проявлялась полуразмытыми тенями.

Если приглядеться, то угадывались очертания людей.

Или нелюдей.

– Сколько их всего было, городов? – уточнила я.

– Дюжина. Изначально. Я застал существование шести.

Следом умерли еще три.

– И вы не пытались узнать почему?

– Нас это не интересовало.

– Но... – Услышанное плохо укладывалось в моей голове.

– Там ведь тоже были драконы? Такие, как ты?

– Были, – согласился Кархедон. – Но видишь ли, проклятая, мы давно утратили связи с ними. Мы жили каждый сам по себе.

М-да, что тут еще скажешь.

– И лишь когда замолчал город Огненных Камней, от которого к нам поставляли рабов, мы испытали некоторое удивление.

Надо же. Удивление.

Охренеть.

– И то далеко не сразу, но лишь когда выяснилось, что поток жизней, нас питающий, иссяк. – Дракон вновь стал драконом, зубастой чешуйчатой тварью, по-своему красивой. Только я уже не обманывалась этой красотой.

Тварь – она всегда тварь.

– Пятеро сильнейших поднялись на крыло и отправились в путь, но оказалось, что крылья наши стали тяжелы, а город крепко держит нас. Мы мнили себя его хозяевами, а на деле оказались пленниками.

– То есть не было никаких богов и проклятья?

– Боги? Богов не было. Что до проклятья, то... мы сами, как я понимаю, стали своим проклятьем.

Наверное, на этом месте мне следовало бы преисполниться сочувствия, только не вышло. Я лишь пожала плечами: мол, и такое случается.

Но хотя бы промолчала.

Это уже достижение!

– Многие пытались вырваться и... возвращались назад, ибо там, за границей города, вдруг возник совсем иной мир. Мир, в котором нам не было места.

Нет, все равно не сочувствую.

Вот такая я черствая тварь. Или тварь не я?

– Последней замолчала Аметистовая Пристань. Небольшой город, возникший рядом с шахтами. В них добывали огненные аметисты. Камни, равных которым по красоте и силе не было.

Дракон замолчал.

А я подумала, что такой пастью, как у него, разговаривать не слишком удобно. Хорошо, что мы во сне. Во сне пасти говорить не мешают.

– Наверное, именно тогда я понял, что мы следующие. Что тот, новый мир нас не пощадит.

Догадливый, однако.

Но я вновь проявила несвойственное мне прежде благообразие и промолчала.

– Я точно знал, когда граница была нарушена. Город... город живой, и мы с ним связаны. – По шкуре дракона прошла мелкая дрожь. – Мой брат вернулся.

– И убил тебя?

– Нет. В этом не было нужды. Мы и без того были обречены.

– Тогда зачем вернулся?

Нет, в самом деле не понимаю этого вот желания плюнуть

врагу в рожу. Оно, конечно, душевные порывы – дело такое, труднопредсказуемое, а с другой стороны – небезопасно же. Враг и обидеться может.

– Он привел своих детей, дабы показать им град обреченный.

Экскурсия, значит.

Матушка рассказывала, что ее тоже на экскурсию однажды водили. В музей то ли искусства, то ли культуры, то ли всего сразу. И печалилась, что мы-то с Эдди так и останемся неокультуренными.

– И ты его убил?

– Нет.

Ничего не понимаю.

А как же сиу? Воззвание к богам и все такое, гнев вышний, проклятье.

Проклятье вот точно существует, иначе мы бы тут не болтали, а спала бы я крепко да спокойно.

– Говори уже, – поторопила я дракона, который как-то сумел пристроиться на троне. Золотые лапы его опирались на подлокотники, хвост уходил под трон, а сам дракон сгорбился, вывернув спину неестественным образом.

– Сперва он пришел один. Ко мне. Город... город уже впал в безумие. Мои родичи, возможно, не до конца осознавали все то, что нас ожидало, но чувствовали близость смерти. И она пугала.

Понимаю. Живешь-живешь себе вечно, весь такой могу-

чий и распрекрасный, а тут раз, и все.

Обидненько.

– Этот страх окончательно лишил их разума. И кровь тех, кто еще оставался в городе, пролилась на плиты его. Сперва убили всех рабов, даже тех, кого прежде не удостоили бы взглядом. Забойщики скота и золотари, те, кто топят жир и моют улицы, те, кто занимается самым тяжелым бессмысленным трудом, были призваны. И удостоены дара любви.

В гробу я такие подарочки видала.

– А затем... они будто соревновались меж собой в жестокости.

– А ты?

– Я смотрел.

– Ничего так занятие.

– Знаешь, – дракон вздохнул, и меня опалило жаром, – на самом деле я вдруг осознал, что власти у меня нет. Меня величали Солнцеподобным. Я имел дворец и трон. Но это ничего не значило.

– Как для кого.

Вот у меня ни дворца, ни трона, хотя, конечно, не сказать, чтобы данное обстоятельство сильно печалило. Но знаю людей, которые бы за кусок этого трона в личное владение бабушку родную удавили бы. И совестью, главное, не замутились бы.

– Дело в ином. – Дракон покачал головой. – Я пытался их остановить. Там, на грани.

– Не вышло?

– Нет. Мой дворец опустел, и лишь те, кого связывали со мной узы любви, остались в нем. Впрочем, жизнь покинула их довольно-таки быстро, хотя и не так быстро, как тех, кто оказался в руках моих сородичей.

В общем, драконы свихнулись.

И хорошо, что они вымерли, ибо... стоило лишь представить, что они вдруг взяли и вернулись в наш мир, как мне поплохело.

– Так что с твоим братом?

– Все в свой черед, проклятая. Не спеши.

– А мне кажется, что не я спешу, а ты время тянешь.

– Возможно. Я давно уже ни с кем не беседовал.

Подул ветер. Холодный, раздражающий, и по залу пронесся кусок сизой пыли. Золото внезапно поблекло, да и сам дворец вдруг показался... ветшающим?

Древним?

Таким, что вот-вот развалится.

– После рабов низких они взялись за других, за тех, кто пользовался свободой воли и выбора. Настоящей свободы никогда не существовало, но те, кто жил рядом с нами, искренне в нее верили. Но и она закончилась. И на площадь пошли мастеровые, ремесленники, целители и все те, кто веками жил бок о бок с нами, веруя в собственную исключительность.

– И так они истребили всех?

– Верно.

– И принялись друг за друга?

– Тоже верно. Они вдруг вспомнили, что можно бросить вызов. И принять его. Сойтись в поединке, меряясь силой. – Дракон прикрыл глаза из чистого золота. – Они уходили и уходили, один за другим... и город жадно пил их жизни. В нас оставалось еще много жизни. В каждом из нас. Хватило надолго.

А я вдруг увидела двух драконов, там, высоко в поднебесье, пожалуй, даже выше, чем поднимаются падальщики. Драконы кружили, и кружили, и еще кружили, пока в какой-то момент не бросились друг на друга, превратившись в одно уродливое создание.

А потом рухнули.

Оба.

– Я смотрел. Я не пытался вмешиваться, понимая, что это тоже часть пути. Пути обреченных.

Сейчас слезу смахну. Тоже мне, обреченные. Заигрались и получили по заслугам. Да, определенно, с сочувствием у меня не ахти.

– Мой брат появился, когда город, напившись крови, окончательно ожил. И отделился от воли моей. Брат пришел на рассвете. И лестница покорила его. Она спела ему и детям его песнь, но те остались глухи. Они минули семь галерей, и ни в одной не осталось мертвеца. Они отворили золотые ворота, и колокол промолчал.

Выходит, там и колокол есть?

– А... если бы зазвенел? – на всякий случай уточнила я. А то ж оно раз на раз не приходится. И как знать, не случится ли мне еще в каком городе побывать.

Не то чтобы я планирую, но жизнь – она такая.

– На звон его отозвалась бы кровь. Она бы поспешила покинуть тело.

Ага, то есть надо радоваться, что не зазвенел. Чем дальше, тем больше начинаю понимать, насколько нам повезло.

– Брат пришел ко мне. Он ступал по плитам, на которых лежали мертвецы...

А вот мертвецов я как раз и не заметила.

Там вообще было как-то на редкость чисто для древнего дворца.

– Он прикасался к ним, и они становились пеплом.

Тогда понятно – пепел не труп, его так просто не заметишь.

– И дворец плакал, и город плакал, понимая, что настал час нашей гибели.

– Вашей?

– Мы были связаны с городом от моего рождения. Я был сердцем от сердца.

Красиво. Только непонятно.

– Мой брат поднялся по лестнице. И вновь же стражи, что охраняли меня, остались недвижимы. А после я понял, что они лишились того подобия жизни, которым обладали. Он

выпил их. И, оказавшись передо мной, произнес...

Дракон замолк.

А я не торопила.

– Он сказал: «Здравствуй, брат».

– А ты?

– А я попросил убить меня быстро.

– А он?

Дурацкий разговор. И сон не лучше.

– Он усмехнулся. И ответил, что не станет марать руки кровью. Что он здесь лишь затем, дабы убедиться, что я буду наказан богами.

– Богами?

– Он... он сильно изменился. Он стал одержим. Теперь я думаю, что, возможно, в этом наше проклятье? И наша беда? Мы легко становимся одержимы, неважно, кровью ли, идеей.

Ну... может, и так.

– Он много говорил. О пути. О просветлении. Осознании. Испытаниях, что указали ему путь. О детях своих, которых он желал расселить по миру, дабы кровь его, преображенная, никогда не угасла. И в этом суть истинное бессмертие.

В общем, тот еще псих.

Но с задачей справился. Кровь и вправду расселилась по миру. Хотя, подозреваю, тот дракон рассчитывал на несколько иное.

– А потом... потом он потребовал... – Дракон слегка запнулся. – Кое-что.

– Да говори уже, – хмыкнула я. – Можно подумать, великая тайна.

– Великая, – серьезно ответил Кархедон. – И тайна.

– Ну тогда не говори.

– Боюсь, вариантов у меня немного... Когда-то давно, когда мы были юны и слабы, как и мир, принявший нас, мы собрали кровь Великого Дракона. И она-то наделила нас силой. Разной силой.

Понятно.

То есть ничего не понятно, но начинаю подозревать, что именно я оттуда на самом деле уволокла.

– После эта кровь была разделена. И в каждом городе был тот, кто хранил ее.

– Вроде тебя.

– Именно. Я не владыка в вашем, примитивном, восприятии. Но лишь тот, кто родился способным слышать кровь. И касаться ее без вреда для себя.

– Это...

– Не спеши, проклятая.

– У меня имя есть.

– Оставь его себе, – сказал дракон спокойно. – Никогда не открывай свое имя, ибо оно – часть сути твоей. И тот, кто завладеет именем, способен и суть твою подчинить.

Не было печали. Но молчу. Как же много я молчу.

Взрослею, наверное.

– Спасибо за совет. Стало быть, твой брат желал забрать

эту кровь?

– Желал. Он... он уже забрал ее. Из тех городов.

– И что сделал?

– Он воплотил кровь в... вещи.

– Дай догадаюсь. Получается, сердце Великой Матери сиу... и копьё... орочьё копьё... и... Сколько их всего было? Ну, городов, где пролилась кровь?

– Старших? Шесть. И он приходил в пять из них. Он убивал хранителей, ибо живые они не расстались бы с тем, что являлось главным сокровищем и главным проклятием нашего рода. Он забирал кровь. И создавал подобных тебе. Проклятых.

– погоди, я совсем запуталась. Я думала, дело...

– В крови. Дело всегда в крови, – перебил дракон и продолжил жестче: – времени осталось мало. Тебе нельзя уходить слишком далеко. Ты еще слаба.

– Извини.

– В крови каждого из нашего рода звенело эхо того самого первозданного пламени, из которого сотворен мир. Оно жило. Наделяло нас силой и даром. И позволяло многое. Его хватило, чтобы создать тех, кто способен противостоять нам. Но оказалось недостаточно, чтобы сотворить новый народ, во всем превосходящий драконов.

– погоди, так твой брат...

– Решил, что все-то в его руках. Что если он получит истинную кровь Великого Дракона, то сумеет сотворить тех,

кто будет подобен богам. У него в голове все смешалось. Отчасти потому, что он не имел права прикасаться к ней.

– Почему не имел?

– Хранителями становятся не просто так. У меня от рождения не было иной судьбы, ибо, когда меня положили на камень, он воссиял белым светом. А это значило, что в моей крови та сила, которая способна противостоять мощи истинной крови.

Я в этих кровях совершенно запуталась. Но на всякий случай кивнула: мол, понимаю. Потом уже, как проснусь, тогда и стану разбираться. Если вообще проснусь.

– Он завидовал мне. Как оказалось. Он полагал, что более достоин, что найдет крови применение. Что изменит мир. И собирался изменить...

Голос дракона стал глуше.

И облик его размыло.

– погоди. – Я поняла, что время и вправду вышло. – Ты... ты не отдал ему?

– Он искал. – Дракон улыбнулся во всю свою немалую пасть.

Надо думать, что искал.

Только...

– Только не под тронем, верно?

Он кивнул.

– Конечно... это же реликвия. Святыня. И все такое. Ей место в сокровищнице... а ты додумалась пошарить под тро-

ном!

– Так уж получилось...

Мир вокруг дрожал, грозя рассыпаться.

– Но ты... – Я волей своей заставила его вернуться. – Ты отдал ее мне! Ты ведь именно что отдал... иначе я бы не осталась живой! Никто из нас не остался бы... а ты... почему?

– Ты мне понравилась. Да и... возможно, мой брат в чем-то прав. Мы слишком долго держали эту силу при себе. Настало время вернуть ее миру.

Дракон распахнул крыла и, набрав в грудь побольше воздуха, выдохнул пламя. Я ясно видела рыжий клубок пламени, который вырвался из его пасти и полетел ко мне.

Вот это я понимаю! Завершение беседы.

Я закрылась рукой и... проснулась.

Нет, ну не сволочь ли?!

Глава 8

О высокой морали и револьверах

Милисента пробудилась резко. Она вскинула руки, словно пытаясь защититься от чего-то, затем огляделась с видом растерянным.

И выругалась.

– Извините, – буркнула она, смахивая пот с бледного лба. – Привидится же...

И осеклась.

Поискала взглядом Эдди, который сидел тут же, и сказала:

– Надо поговорить. Если это не бред, то все куда как... интересней.

– Не бред, – поспешил заверить Орвуд, явно приободрившийся. – Возьмите, леди, вы, наверное, проголодались.

И протянул плитку шоколада.

Засранец! Чарльз спрятал руки за спину, ибо желание дать Орвуду в морду, совершенно неестественное для графа, скорее уж приличное для среднего жителя Запада, окончательно сформировалось и даже окрепло.

– Еще как, – Милисента отказываться не стала. – Шпаши-бо.

Шоколад она не ломала, откусывала так, едва развернув.

– Женщина, – с неким умилением прогудел Разбиватель

Голов. – Женщине надо кушать. Сильной будет. Слабая женщина сильных детей не родит.

И вздохнул горестно.

А Чарльзу стало совестно. Даже орк дикий понимает, что женщин кормить надо, а он, Чарльз, не удосужился хотя бы шоколадку припрятать.

– В общем... – Милисента облизала губы. – Тут такое... сложное дело...

Она вздохнула.

Поднялась, потянулась и едва не грохнулась. Благо Чарльз успел подхватить вовремя.

– З-затекли, з-заразы, – просипела Милисента, запихивая в рот остатки шоколадки. – С-сейчас пройдет.

– Бывает. Когда душа покидает тело, то процессы в нем замедляются, – наставительно заметил Орвуд. – И после возвращения часто случается так, что тело реагирует несколько... непривычным образом.

– Это каким? – Милисента вцепилась в руки Чарльза, но отталкивать их не спешила.

– Скажем, иногда может кружиться голова. Нормальна слабость. И даже сильная слабость. В редких случаях бывает, что отказывает сердце...

Как-то перечень не внушал доверия.

– Но это скорее исключение. И... долго находиться там опасно. – Орвуд глядел прямо. – Есть теория, что после определенного порога, так сказать грани, организм начинает раз-

рушаться. И первой страдает именно нервная система. Моя сестра...

Он осекся.

– Продолжай уже, – велел Эдди и убедительности ради положил руку ему на плечо.

– Она зашла слишком далеко. А когда вернулась... ее парализовало.

– Твою ж... – Милисента добавила пару слов, и Чарльз согласился, что все именно так, лучше и не скажешь.

Эдди же нахмурился, и ладонь его на плече некроманта несколько потяжелела. Во всяком случае плечо это опустилось, а другое поднялось.

– Это скорее исключение. Она... она сама желала заглянуть за грань. Искала... неважно, главное, что у нее были возможности вернуться. Ее сопровождали. Звали. Просили. А она решила, что знает лучше.

– И что теперь?

– Теперь? Некоторые функции удалось восстановить. Она способна сидеть. И говорить, пусть с трудом, но все же. А в остальном... увы. Поэтому просто не задерживайтесь.

– Он тоже сказал, что пора.

Милли оперлась на руки и теперь стояла сама, пусть и прислонившись к Чарльзу. И стоять так было... пожалуй, приятно.

– Тот, кто вас позвал?

– Пожалуй, что... но лучше, если по порядку... Эдди, ты

не представляешь, какая это жопа!

Не представлял, как выяснилось, не только Эдди.

Милисента сидела, скрестив ноги, укутавшись в пальто Орвуда, поверх которого накинула еще какое-то не слишком чистое покрывало, чудом уцелевшее при уборке.

Одной рукой она держалась за Чарльза, словно боялась его отпустить. Второй сжимала кусок вяленого мяса.

– Так что вот, – завершила она рассказ, потеряв переносицу. И впилась в мясо зубами.

А продовольственный вопрос надо решать.

И с вещами тоже.

Одно дело в прериях на земле спать, и совсем другое – во вроде как цивилизованном городе.

– Кровь первого дракона. – Орк прикрыл глаза. Он сидел на полу, скрестив ноги, опираясь огромными ручищами на колени. – Вот оно как...

– Вы что-то слышали об этом? – Орвуд устроился на трехногом табурете, по мнению Чарльза довольно ненадежном, но мнение свое граф оставил при себе.

Раздражал Орвуд невероятно.

– Как сказать... мой дед был шаманом. И его дед. И дед его деда. Это я глухим уродился, не слышу мир. – Разбиватель Голов поскреб макушку. – Потому и знаю не так чтобы много... дочка моя, она больше... ее учили.

– Расскажите про это копьё, – попросил Орвуд. – Мне хо-

телось бы понять, что оно такое.

– Не совсем копые. – Орк слегка наклонился. – Наконечник. Из кости. Из кости очень большого зверя.

– Дракона? – Милисента сглотнула слюну. – Драконы большие. Я видела.

И ни у кого не возникло и мысли сомневаться.

– Может, и дракона. Мой прадед говорил, что в прежнем мире всяких тварей хватало. Главное, что оно... в нем сила. Сила наших женщин. И мужчин. Сила шаманов, которые ослепнут и оглохнут, если ее не вернуть. Сила духов, что откликаются на зов.

Он замолчал, но ненадолго.

– Это не только наша святыня. Каждую дюжину лет она передается из племени в племя. И никогда не случалось такого, чтобы она пропала. Да и как, если чужаки и прикоснуться-то к нему не могут?!

– Видать, смогли. – Милисента облизала пальцы. – Итого: два утерянных артефакта есть... Три. А городов шесть. Еще три у кого?

– И что будет, – Чарльз озвучил вопрос, который волновал его особенно сильно, – когда все они соберутся в одних руках?

Как-то так это Чарли произнес, что у меня мурашки по спине поползли.

Совпадение?

Да ну на хрен такие совпадения. Тут не надо семи пядей

во лбу быть, чтобы понять: никакие это не совпадения.

– И что делать будем? – поинтересовался Чарли, а я вдруг поняла, что держусь за него, как дите за мамку. Отчего стало неловко.

Слегка.

И еще потому, что мне определенно не хотелось отпускать его руку. А он делал вид, будто и не замечает. Ни руки. Ни неловкости. Вот что значит – воспитанный человек.

А жизнь его со мной связала.

Я подавила вздох.

– Честно говоря, – некромант потер лоб, – я не вижу причин отклоняться от первоначального плана. Да, может статься, кто-то поставил себе целью собрать все эти... артефакты.

И рукой этак хитрый знак сделал.

– Однако, во-первых, сомневаюсь, что это в принципе возможно. Во-вторых, долг требует вмешаться, а здравый смысл подсказывает, что наших ресурсов для вмешательства явно недостаточно.

– Башку ему свернуть, – прогудел Дик.

– Змеенышу? – уточнил Эдди.

– Ему самому...

– Согласен, что данный вариант решения проблемы, – некромант мягко улыбнулся, – видится не только оптимальным, но и наиболее легко реализуемым. Но мне кажется, что эта легкость несколько... обманчива.

– Чего? – Эдди с Диком переглянулись. А я в очередной

раз удивилась тому, что есть кто-то поздравнее Эдди.

– Одно дело афера с влюбленной женщиной и ее приданым. К сожалению, подобное случается довольно часто. Некоторые подлецы воистину поражают изобретательностью, когда дело касается чужих денег. Но...

– Он бы не потянул в одиночку, – добавил Чарли и тихонько сжал мои пальцы. – Ему нужен был кто-то, кто указал бы на Августу. Кто помог бы с ней познакомиться. Сочинил этот план... и теперь там, на Востоке, представляет интересы. Не говоря уже о том, что в деле о наследстве не обойтись без хорошего законника – а действительно хорошие законники не рискнут связываться с посторонним человеком и сомнительным делом. Ко всему добавьте его иные связи... в этом вот городе. Нет, вы правы, для одного человека это чересчур масштабно. И зачем? Даже при условии болезненного честолюбия все можно было повернуть куда проще. Здесь другое.

– Но шею свернуть уродцу не повредит.

– Уродцу-то как раз и повредит, но в остальном... если выпадет случай, то почему бы и нет. – Чарльз пожал плечами. – Я бы с превеликим удовольствием. Подозреваю, что, в чем бы ни состояла его роль, он достаточно важная фигура.

Утомили они меня.

Точно утомили.

Я подавила зевок, подумав, что не хватало вновь провалиться в сомнительного свойства сон, и прикрыла глаза. На

секундочку. А когда открыла, обнаружила, что вокруг тихо и темно и рядом, прижавшись ко мне, точнее прижав меня к себе, кто-то сопит.

Спросонья двинула локтем, а потом усовестилась, ибо сопел этот человек совершенно по-свойски.

Чарли.

Муж.

А с мужем и вправду спать как-то теплее, особенно если под тонким, пахнущим плесенью покрывалом. Рядом где-то заворочался Эдди, повернулся ко мне и велел:

– Отдыхай.

Шепотом.

А я кивнула.

Буду.

Болело... да все болело. Ноги особенно. И еще плечи. И главное, боль эта исходила изнутри. Не сказать чтобы сильная, скорее мучительная, которая случается после долгой работы. Я завозилась, пытаюсь лечь поудобнее, но Чарли встрепенулся.

– Что? – тихо спросил он.

– Ничего. Просто ноги затекли. – Врать нехорошо, но почему-то говорить правду не хотелось.

Да и вправду ничего страшного. Поболит и перестанет. Это усталость накопилась.

Именно.

– Спи, – сказал уже Чарли. – Хочешь...

Он сжал руку, и я почувствовала теплый поток Силы, который прокатился по крови. Стало легче. И спокойнее. И уютнее. А еще подумалось, что быть замужем не так уж и плохо.

Я закрыла глаза и провалилась в сон. К счастью, обыкновенный, дыхательный.

Когда я проснулась второй раз, солнце стояло уже высоко. Оно пробивалось сквозь серые стекла, наполняя мастерскую неровным светом. В полосах его плясали пылинки. Свет разливался по полу, выхватывая его неровности и пятна, подчеркивая ржавчину на железе и потеки на стенах. Странно: сейчас мастерская выглядела пусть и заброшенной, но вполне уютной.

Я села.

Зевнула.

Огляделась. Надо же, кровать... откуда взялась? Хотя... крепко я, видать, вчера приснула. С другой стороны, есть отчего. Кроме кровати, которую поставили прямо посередине зала, нашелся и матрас, набитый свежей – или почти свежей – соломой, пара подушек да почти новое одеяло. Постельное белье тоже появилось, что вовсе поразило меня до глубины души.

Я потянулась, отметив, что вчерашняя боль если не ушла полностью, то почти отступила. Чуть тянуло мышцы шеи и плеч. Подумалось вдруг, что это логично. Я ведь летала. Вот

с непривычки и натрудила. Потом подумала, что летала я во сне, а мышцы болят наяву, и это уже совсем нелогично. Потом мне думать стало лень, и я обошла кровать кругом.

Так и есть.

Знакомый саквояж в углу. И шляпа Эдди. И его же револьверы с кобурой, что странно, потому как он их и дома не всякий день снимает. А тут снял. Стало быть, чувствует себя в безопасности?

А сам он где?

Эдди обнаружился внизу. Он сгорбился за старым верстаком, склонившись над чем-то кривеньким и с виду напрочь ржавым. Почувяв меня, братец вскинул голову и улыбнулся.

– Выспалась?

– А то. – Я подавила зевок и потянулась. – А ты?

– И я. И Чарли...

Он запнулся. Я же махнула рукой. Замужем так замужем. Что уж теперь-то.

– Не злишься? – Эдди всегда меня понимал.

– Нет. А где...

Муж-то у меня наличествовал. А всякая хорошая жена должна интересоваться нахождением супруга. Так Мамаша Мо говаривала, и не только она. Я еще думала, что в этом плане матушке повезло. Она-то точно знает, где папаша находится, а стало быть, очень хорошей женою является.

– Решил выйти, оглядеться.

– А не опасно?

– Беспokoишься?

– Он вроде неплохой человек. – Признаваться в том, что и вправду беспокоюсь, было отчего-то стыдно. Кажется, я даже покраснела. Самую малость.

Эдди сделал вид, что не заметил.

– Неплохой.

– Но... мы разные. – С кем еще поговорить, как не с ним? С матушкой разве что. Она бы, наверное, поняла. Или нет? Или сказала бы, что раз мы теперь женаты, то надобно смириться и вообще перевоспитаться, вести себя подобающим образом да все такое?

Перевоспитываться не хотелось, а хотелось есть.

– Разные, – согласился Эдди, вытирая руки. – Есть хочешь?

– Дико.

– А то... два дня проспять.

– Сколько?! – Вот теперь я даже не то чтобы удивилась. Это... это где ж видано, чтоб живой человек столько спал? Хотя вспомнилась вдруг старуха Мэдисон, которую в городке все, даже судья, побаивались, ибо была она женщиной сложной судьбы и не менее сложного характера, ко всему весьма на язык невоздержанной. Так вот, одного дня супруг ее, которого в городе знали и весьма ему сочувствовали, сообщил, что преставилась она.

Во сне.

Ну, как водится, вызвали доктора, заодно уж и судья явил-

ся почтение покойной засвидетельствовать. Да и не только он один. Много народу собралось. На кладбище со всем политесом да немалым облегчением провожали. А она возьми да очнись, аккурат когда гроб в могилу опускать стали.

Ох и ругалась же!

И главное, наши с перепугу едва не пристрелили. Доктор еще потом клялся, что не специально, что случается с людьми такое. Называется летаргическим сном.

Вспомнила и поплохело.

– Два дня. – Эдди вытер руки ветошью. – Мы уж и некроманта позвали, а он сказал, что это... как его... компенсация. Вот. Мол, мозги твои много поработали, когда ты в иной мир выходила, и им, значит, отдых надобен.

Мозгам.

Я потрогала голову, убеждаясь, что больше она не стала. Мамаша Мо когда еще меня пугала, что если читать слишком много, то мозги пухнуть начнут и голова раздуется. Моя вроде пока прежнюю была.

– Чарли волновался крепко. – Эдди поманил меня за собой. – Но ты и вправду спала. Даже слюни пускала.

Спасибо. Вот без этого знания я точно обошлась бы.

– А... что тут было-то? Ну, пока я слюни пускала? – Я огляделась.

Стало вроде чище, чем раньше. Или кажется так? Кресло вон новое появилось. Кресла такого точно не было. Еще железяки всякие.

Стол приличный.

Печка.

И ларь, на крышке которого громоздились шестеренки, патрубки и переплетения проволоки. Над ларем то и дело поднимались облачка то ли пара, то ли инея. А еще от него пахло.

Мясом.

В животе заурчало и...

– Садись, – велел Эдди, подтолкнувши меня к столу, который совершенно точно стал чище, и даже подпалины на нем смотрелись иначе. Этаким узором.

Уговаривать не пришлось.

Я взобралась на высокий стул с почти целой спинкой. Эдди активировал огненные камни, плюхнув на один чайник, а на другой – чугунную сковороду немалых размеров.

– Стало быть, ты просто спала?

– Ага. – Я мотала ногами.

Надо же, почти как в детстве.

Я пыталась научиться готовить. Честно. И даже когда еще была в доме прислуга помимо Мамаши Мо, которая сразу сказала, что я слишком безрукая для учебы и во всем виноваты демоны, все одно на кухню заглядывала. И матушка меня учила.

Блинчики вот печь.

Омлет делать.

Варить кашу. Или рагу. Или... в общем, готовить я учи-

лась. Просто получалось не то чтобы вовсе несъедобно, а так, терпимо.

Когда других вариантов нет.

Эдди же...

Сковорода раскалилась, и над ней задрожал воздух. Братец вытащил банку с топленным жиром, зачерпнул ложку и плюхнул на сковороду.

Он точно знал, сколько нужно добавить соли и перца, и еще чего из двух десятков сушеных трав, которые мне казались совершенно одинаковыми.

– А вы чем занимались? – Я торопливо сглотнула слюну. На сковородку плюхнулся кусок мяса, который Эдди еще сверху придавил.

– Да ничем особо. Вот, порядок наводили. Прикупили кое-чего.

– Где?

– Да тут... тут тоже есть старьевщики. А как выяснилось, в последнее время клиентов у них прибавилось. Многие уходят.

– Как твой друг?

– Именно.

– Это плохо. – Что еще сказать. Люди – они же твари такие, которые ко всему привыкают. Их за просто так с места не сдвинуть. А уж коли решили сами сдвинуться да бежать, барахлишко свое за пару центов скинувши – большего старьевщик не даст, – то дела тут совсем дрянь.

– А то...

Эдди посыпал мясо какой-то приправой.

– Многие закрылись, даже те, которые выше.

Запах пошел умопомрачительный.

– Охотников, поговаривают, прижали. Требуют сдавать добычу только в официальные мастерские. А там платят по официальным же расценкам.

– Грабят, короче.

– На законном основании, – согласился Эдди.

Как будто тому, кого грабят, легче, ежели на законном основании.

– Экспедиции организуют. Объявили набор желающих. – Он перевернул мясо, и запах стал совсем уж невыносимым. А передо мной упала деревянная миска с лепешками. – Пожуй пока.

– И много желающих?

– Не особо. Тому, кто опытный, разве оно надо? Переться в Мертвый город, рисковать, а потом получить десятую часть добычи. Притом что идти придется с новичками да под руководством доверенного человека.

Я хмыкнула.

Найдутся ли вообще дураки? Хотя... найдутся. Дураков везде хватает.

Посулят им чего-нибудь.

Распишут.

– Главное, что те, кто и вправду в охоте понимает, они

давно уже убрались. И вряд ли вернуться. Пара-тройка ходоков, может, и осталась, но таких, не особо везучих, которым деваться некуда.

– И когда пойдут?

Почему-то мне была категорически неприятна мысль, что кто-то полезет в Мертвый город. И вовсе не потому, что я за людей беспокоилась.

Город ведь... если я забрала то, что хранило его, – выходит, он беззащитный?

– Пока неясно, но точно откладывать надолго не станут. – Эдди разбил пару яиц, сыпанул поверху крупной соли и крышкою прикрыл, чтобы оно все упарилось.

– Еще что?

– Магов обязали пройти регистрацию. И получить особый знак. Чтоб, стало быть, простые люди понимали, кто перед ними. Правда, ходит слухок, что пара-тройка из тех, кто первыми знак получил, после исчезли. А еще один свихнулся и спалил дом вместе с женою и детишками. После этого те, что поумнее, предпочли убраться.

Этак в городе никого не останется. Непонятно только, для чего оно все? Жили же ж... и нормально, если верить Эдди, жили.

– А... как Чарли?

– Пока никак. Ни ты, ни Чарли никуда не пойдете. Ты вообще... На-ка вот. – Эдди вытащил из кармана несколько камушков, на веревку нанизанных. – Ему тоже сделал. Ну и

еще кой-чего... физию чуть подправили. Оно-то не особо спасет, если загребут, но так, глядишь, никто приглядываться не станет.

Я веревку надела и камушки убрала под рубашку.

– Еще переодеться тебе надо будет. – Он плюхнул сковороду прямо на стол. И сам сел. – Тут... такое... В общем, новый указ вышел. О морали.

– Высокой?

– А то. Выше некуда.

Что-то мне совсем не по себе сделалось. Боюсь я высокой морали. Не дотягиваю.

– В общем... женщинам надлежит вести себя скромно. И одеваться соответствующе. Дабы не вводить в смущение и соблазн мужчин.

Я ткнула лепешкой в ароматный жир.

– Юбки, да?

– Юбки. И чепец.

– Юбки пошире бери. – Я зажмурилась от удовольствия. Остро. И пряно. И сладко тоже. А мясо мягкое, сочное, прямо тает во рту. – Чтоб револьверы заметны не были.

– Револьверы?

– Мораль буду отстаивать. Высокую. С револьверами оно всяко сподручнее...

Глава 9,

где случаются неожиданные находки

Чарльз шел по узкой улочке, стараясь не особо крутить головой, что получалось не слишком хорошо. Все было... другим.

Прежде всего – запахи.

Резкая вонь сточных вод, что протекали по трубам, но трубы, проложенные сотню лет назад, то ли не справлялись, то ли нуждались в замене. Как бы то ни было, но воды они не удерживали, и те проступали сквозь землю, мешаясь с гнилою соломой, скорлупой и всей той грязью, которую оставляют после себя люди.

К этой вони добавлялась другая.

Желтый дым сползал на нижние уровни, привнося с собою характерную смесь алхимических запахов. От нее-то и от дыма местные защищались платками или масками, вроде той, что Эдди ему вручил. Маска была старой, слегка перекошенной, и дышалось в ней тяжело. Но стоило снять, и Чарльз осознал, что не так уж и тяжело.

Главное, фильтрующее заклятье работало.

А еще маска закрывала половину лица. Вторую прикрывала шляпа с широкими полями. Костюм дополняли просторные, пожалуй, даже чересчур просторные штаны из мешко-

вины, кое-где укрепленные латками, и кожаная куртка со множеством карманов.

И то, и другое было не новым.

В прошлой жизни Чарльз скорее умер бы, чем примерил чужую не слишком чистую одежду. А тут даже вполне неплохо себя в ней чувствовал. Мятая рубашка. Высокие ботинки.

Пояс с револьверами.

Маменька его точно не узнала бы.

Стоило подумать, и гулять расхотелось совершенно. Чарльз остановился перед витриной, сквозь мутное стекло которой проступал манекен в военной форме. Правда, на двери лавки висел замок.

Как и на многих иных дверях.

Проклятье.

Стоило бы вернуться, но... зачем? Никогда еще Чарльз не чувствовал себя настолько бесполезным. Орвуд вон билет свой получил. На две персоны.

И собирается.

И...

И от него толк есть, а Чарльз вот по городу гуляет. Изучает, так сказать, зланные места. И наверх нельзя, ибо если его ищут, то найдут. И вряд ли кому-то он поможет, оказавшись в тюрьме. Главное, умом-то Чарльз все понимал, но...

Сердце требовало действий.

И он развернулся.

Местный переулок Чарльз уже успел изучить, пусть и не

отходил далеко. И теперь старая мастерская виднелась впереди.

– Эй, – окликнули Чарльза, и он сперва даже не понял, откуда раздался голос. Но дверь в лавку готового платья открылась, причем совершенно беззвучно, и из щели высунулась голова: лысоватая, грязноватая и на редкость лопухая. – Бабу хочешь?

– Бабу? – переспросил Чарльз, поскольку показалось, что ослышался.

Но голова закивала.

– Хорошая. Красивая! Недорого.

– Спасибо, воздержусь.

– Ну смотри. – Голова сплюнула. – А то ж, я гляжу, человек приличный. Приличному человеку без бабы тяжело. А тут вот...

Он дернул шей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.